

ПЕРЕПИСКА С Р. В. ИВАНОВЫМ-РАЗУМНИКОМ

Вступительная статья, публикация и комментарии
А. В. Л а в р о в а

Отношения с Ивановым-Разумником принадлежат к числу наиболее творчески плодотворных связей Блока последнего десятилетия его жизни. Иванов-Разумник — подлинный спутник Блока в первые месяцы после Октябрьской революции и своего рода «крестный отец» вершинных творений поэта: при его участии впервые увидели свет «Двадцать» и «Скифы», он же был первым критиком, по достоинству оценившим эти произведения во всем их значении и безоговорочно разделившим их идейный пафос. Путь к этому единству во взглядах, общественных позициях и духовных устремлениях был длительным и непростым, и начался он не в 1912 г., когда встретились Блок и Иванов-Разумник, представители еще во многом противоположных литературных лагерей, а задолго до этого момента.

Иванов-Разумник (псевдоним Разумника Васильевича Иванова, 1878—1946) — выдающийся критик, публицист, историк русской литературы и общественной мысли, инициатор целого ряда литературных начинаний — был самым характерным выразителем «неонародничества» в критике и эстетике начала века. Истоки его внутреннего самоопределения были совершенно отличными от духовных корней Блока, выросавшего в дворянской либерально-профессорской семье и в первые годы поэтической деятельности далекого от общественных интересов. С молодости Иванов-Разумник осознавал себя наследником демократических, радикальных традиции русской интеллигенции, носителем рационалистического, социально активного сознания, сторонником реалистического метода в искусстве.

Родился Иванов-Разумник 12 декабря 1878 г. в Тифлисе. Родители его происходили из дворян, но по жизненному укладу принадлежали к разночинной интеллигенции; отец, Василий Александрович Иванов, был железнодорожным служащим (кассиром), мать, Александра Осиповна, урожденная Окулич, закончила Петербургскую консерваторию и преподавала музыку. Первоначальное образование Иванов-Разумник получал в петербургской I гимназии (1888—1897)¹. Уже в гимназические годы он обнаружил задатки системного мышления, потребность в нравственно-философской аргументации предстоящего жизненного пути. К этому времени относится его обстоятельное сочинение под названием «Мое мировоззрение» (1895—1896), в котором был поставлен вопрос о цели жизни как основании мировоззрения; таковая заключалась для Иванова-Разумника в служении науке и, непосредственно, астрономии, считавшейся им самой важной из всех естественных наук и наиболее значимой для дальнейшего совершенствования человеческого общества: «Астрономия сделает то, что люди, сделавшись гражданами неба и узнав все законы природы, — найдут ту истинную цель жизни всякого разумного существа, которая ныне покрыта мраком неизвестности. Люди будут знать, к чему надо стремиться, что есть цель жизни всякого человека, люди тогда сделаются братьями, согласно учению Христа, и всем этим они будут обязаны исключительно великой астрономии»². Вероятно, эти наивно-утопические упования на всемирную миссию астрономии сыграли свою роль при выборе Ивановым-Разумником дальнейшего пути: в 1897 г. он поступил в Петербургский университет на физико-математический факультет.

В «Моем мировоззрении» Иванов-Разумник коснулся в особых главах и основных философских вопросов — о существовании бога, которого, отмежевываясь от церковного учения, он понимает как «вечное стремление всего к истине», и о бессмертии души. «По этой и следующей главе, — приписал впоследствии Иванов-Разумник на полях рукописи, — очень интересно проследить, как я, будучи 15-летним мальчиком, колебался между верой и неверием; утверждая, что верю в бога и бессмертие души, я в сущности только старался убедить себя в этом и увильнуть от вопроса»³. Рационалистическая,

«просветительская» позиция выявляется у Иванова-Разумника и в подходе к философии исторического развития человечества, которое он понимает как «борьбу рассудка с воображением» (при этом «воображение» вбирает в себя и религию), и постепенное вытеснение воображения рассудком: «Когда человек достигнет апогея развития, всевластным царем будет один разум, без малейшей примеси воображения»⁴. Этим взглядом, достаточно типичным в среде радикального студенчества конца века, соответствовала общественная позиция Иванова-Разумника. Активное участие в студенческом движении не дало ему возможности закончить университет. 4 марта 1901 г. он «на демонстрации <...> избит на площади Казанского собора казацкими нагайками, арестован, посажен в тюрьму, а потом и выслан из Петербурга. Впрочем, скоро вернулся». «Но вот ровно через год, — вспоминает Иванов-Разумник, — 1 марта 1902 года, после ночного обыска, мне, старосте четвертого курса математического факультета <...>, за участие в организации студенческих беспорядков предложено выехать в трехдневный срок из Петербурга, выбрав себе местожительство. Этим заканчиваются мои студенческие годы (1897—1902)»⁵. В промежутке между этими репрессиями произошла первая встреча (еще не личное знакомство) Блока с Ивановым-Разумником.

Отроческое увлечение астрономией сменяется у Иванова-Разумника в студенческие годы все нарастающим интересом к философско-общественной мысли и современной литературе. Пробует он и собственные силы в художественном творчестве, но скоро оставляет эти неудачные опыты⁶. С 1900 г. Иванов-Разумник посещает историко-филологический факультет, где слушает курс проф. А. С. Лаппо-Данилевского и участвует в его рефератных вечерах. 7 ноября 1900 г. Иванов-Разумник выступил с рефератом «Значение М. Горького в современной русской литературе»⁷. Крупнейшим из современных писателей, наряду с Горьким, он считает Чехова и пишет работу о его драмах. Литературные штудии восполняются у Иванова-Разумника историческими и философскими: 31 октября 1901 г. он выступает с рефератом «Фейербахизм на русской почве 40—60 годов». В это время он уже предпринимает пока безуспешные попытки напечатать свои критические опыты. Естественно, что мимо его внимания не могла пройти одна из наиболее оживленно и остро обсуждавшихся тем — появление в России декадентства.

Одно из писем к своему другу юности А. Н. Римскому-Корсакову (от 31 октября 1901 г.) Иванов-Разумник написал на печатном бланке: «30 октября 1901 г. Беседа студентов Историко-филологического факультета. О «декадентстве» в современном русском искусстве. Доклад г. Иванова-Разумника»; на этом же бланке были воспроизведены тезисы доклада. «Вчера народу было много <...>, — сообщал Иванов-Разумник Римскому-Корсакову о ходе своего выступления. — Возражали — Вульфийус, который заявил, что он ничего не понял, и Забугин, возражавший ровно 1 1/2 часа о декадентстве в музыке <...> Ввиду этого другие не успели сделать более дельных возражений, и за поздним временем прения отложены на будущий вторник. — Впрочем, еще один коллега возражал, что декадентство существует теперь везде — в философии, политической экономии и т. д.»⁸ Среди слушателей доклада был и Александр Блок, с осени 1901 г. приступивший к обучению на славяно-русском отделении историко-филологического факультета. В записной книжке Блок подробно законспектировал выступление Иванова-Разумника.

Работа «О «декадентстве» в современном русском искусстве» осталась ненапечатанной⁹, но беловая рукопись ее сохранилась в архиве Иванова-Разумника. Начинаящий критик исходил в ней из убеждения, что все отличительные признаки декадентства, шокирующие широкую публику (мистицизм, обостренное чувство смерти, эротизм, патологические мотивы и т. д.), не представляют собой ничего принципиально нового в искусстве. Основная примета декадентства как такового, по Иванову-Разумнику, заключается в невозможности понять содержание произведения, замкнутости его в сфере субъективно-индивидуальных ощущений. В этом смысле «декадентскими» могут быть названы сочинения душевнобольных (такая параллель, впрочем, была общим местом в тогдашней критике декадентства) и лишь немногие творения современной литературы — в их числе прежде всего поэзия А. Добролюбова: «А. Добролюбов — единственный известный нам «декадент», по заслугам носящий это звание; его произведения настолько субъективно-индивидуальны, что подлежат скорее психиатрической, чем литературной оценке; в этом смысле они стоят вне всякой литературы, а не выше или ниже других произведений»¹⁰. В определенных чертах к Добролюбову приближаются И. Коневской, Ф. Сологуб, К. Бальмонт, В. Брю-

сов — в той мере, насколько они склоняются к чистому субъективизму. В полном смысле декадентскими, в трактовке Иванова-Разумника, оказываются только такие произведения, смысл которых разгадать невозможно, которые остаются недоступными восприятию читателя или зрителя. «Если же считать декадентами — как делают некоторые — таких писателей, как Ибсен, Гауптман, Киплинг, Кнут Гамсун, Тетмайер и др., — то такое «декадентство» — единственно ценное, что есть в западноевропейской литературе в настоящее время, — утверждает критик. — Но индивидуализм всех этих писателей не есть декадентство, так же как и в русской литературе неверно было бы счесть декадентством индивидуализм М. Горького»¹¹. «Декадентскими» зачастую определяли импрессионистические тенденции в литературе и живописи, но их, согласно Иванову-Разумнику, отличает лишь общее стремление приблизиться к музыкальным формам, и в этом нет ничего «незаконного». Общій вывод критика: «Так называемое «декадентство» есть только «новаторство», и приговор о его талантливости или гениальности может произнести только время; это современное нам течение может разлиться в широкий поток, может и заглохнуть, подавленное другим, более мощным течением (которого пока мы еще не видим); настоящее же декадентство — группа субъективно-индивидуального — несомненно обречено на гибель, на вымирание в области искусства < . . . > мы видим ряд несомненных талантов, как Бальмонт, Сологуб, отчасти Брюсов; — не причисляем уже к числу новаторов М. Горького, хотя и он отчасти этого заслуживает». Закончил свою работу Иванов-Разумник пожеланием, «чтобы злорадно хихикающее над «декадентством» большинство, наконец, поняло, с каким интересным, живым, своеобразным и сильным течением оно имеет дело; чтобы течение это, наконец, заняло принадлежащее ему по праву одно из первых мест в современном русском искусстве»¹².

Конспект Блока довольно детально фиксирует, хотя и в отрывочной форме, не всегда отчетливо отражая логику развития мысли Иванова-Разумника, все основные положения и идеи доклада (ЗК, 22—24). Поднятые Ивановым-Разумником темы и их вдумчивая трактовка, далекая от традиционного насмешливо-нигилистического отношения к новейшим веяниям в искусстве, привлекли внимание молодого поэта, еще не вступившего в литературу, но уже осознавшего свою внутреннюю связь с «новым» искусством и «декадентскими» тенденциями. Весь ход рассуждений Иванова-Разумника был, безусловно, чрезвычайно интересен для Блока, ибо он сам, хотя и с принципиально иных позиций, задавался в это время теми же вопросами. «Отделить новую поэзию вообще от частностей декадентства», — написал он осенью 1901 г., еще до выступления Иванова-Разумника (ЗК, 22). Проблемы генезиса и определяющих черт «нового» искусства затрагиваются в набросках к ненаписанному очерку о русской поэзии, заносившихся Блоком в дневник в декабре 1901—январе 1902 г. Стремясь к обоснованию «молитвенной», мистико-теургической поэзии и солидаризируясь с эстетическими воззрениями Вл. Соловьева, Блок в своих размышлениях о сути «нового» искусства был внутренне бесконечно далек от рационалистических выкладок Иванова-Разумника. Видя во вчерашнем дне эстетической мысли лишь «нечеловеческие вопли грубого либерализма» и приветствуя «великую философскую борьбу», в результате которой «осыпались пустые цветы позитивизма», и старое древо вечно ропщущей мысли зацвело и завелено метафизикой и мистикой» (VII, 23), Блок, конечно, должен был снискать себе в лице Иванова-Разумника, опиравшегося на шестидесятнические и народнические традиции, решительного оппонента, если бы довел тогда до печати эти заметки. Но в отрицательном моменте своих рассуждений — противопоставлении подлинных задач «новой» поэзии и ее достижений («цветы символизма») «частностям декадентства» — Блок мог опираться на выводы, сделанные Ивановым-Разумником в его студенческом докладе. Не исключено, что предложенная Ивановым-Разумником «суженная» трактовка «декадентства» как способа выражения субъективно-индивидуальных ощущений, переклечение им проблемы с содержания произведения на его восприятие, утверждение «непознаваемости» подлинно «декадентских» произведений и в силу этого выведение их за пределы искусства, — все эти умозаключения сказались на блоковской интерпретации этого термина в заметках зимы 1901—1902 гг. «Декадентство — «décadence» — упадок, — пишет Блок. — Упадок (у нас?) состоит в том, что *име*, или намеренно, или просто отсутствию соответствующих талантов, затемняют смысл своих произведений, причем некоторые сами в них ничего не понимают, а некоторые имеют самый ограниченный круг понимающих, т. е. только себя самих; от этого произведение теряет характер произведения

искусства и в лучшем случае становится темной формулой, составленной из непонятных терминов — как отдельных слов, так и целых конструкций» (VII, 26). Стремление к отмежеванию от «декадентства» в умонастроениях и в творческой практике — важная черта молодого Блока, сближающая его с другими «младшими» символистами и обозначающая новые тенденции в символистской эстетике, и примечательно, что в этом стремлении у него и у Иванова-Разумника, выразителя иных литературных взглядов, были общие аргументы.

Последующие десять лет, которые отделяют описанный эпизод от личного знакомства Блока и Иванова-Разумника, составили целую эпоху в литературе, в том числе и в творческом развитии Блока. Здесь нет необходимости характеризовать проделанный поэтом за это время путь от «Стихов о Прекрасной Даме» к трагической лирике III тома, но о деятельности Иванова-Разумника, еще не получившей достаточно подробного истолкования¹³, стоит сделать несколько самых общих замечаний.

Литературным дебютом Иванова-Разумника была статья «Н. К. Михайловский», напечатанная в 1904 г. в журнале «Русская мысль» (№ 3). В этой и в последовавшей за ней статье «А. И. Герцен и Н. К. Михайловский» («Вопросы жизни», 1905, № 8) начинающий критик обнаружил себя приверженцем народнического мировоззрения. Сознвая иллюзорность и историческую неподтвержденность многих идей и верований «классического» народничества, он, тем не менее, считал наиболее перспективным следование в новой исторической ситуации основополагающим заветам «русского социализма» — началам индивидуализма и antimещанства, двуединому критерию «блага реальной личности и блага народа»¹⁴. Понятия индивидуализма и мещанства были поставлены во главу угла и в главном труде Иванова-Разумника этих лет — двухтомной «Истории русской общественной мысли», принесшей критику широкую известность и выдержавшей шесть изданий. Над этой книгой Иванов-Разумник начал работать еще в 1902 г. в Симферополе, где отбывал ссылку за участие в студенческом движении¹⁵, продолжал трудиться в предреволюционное время и в 1905 г., живя в деревне и ведя пропаганду среди крестьян, и в 1906 г., поселившись в Петербурге и затем в Царском Селе (ставшем с осени 1907 г. его местом жительства вплоть до 1933 г.) и включившись в активную журналистскую деятельность (статьи в газетах «Известия крестьянских депутатов», «Трудовая Россия», «Крестьянин-депутат» под псевдонимами Р. Новосельский и Р. Н.). Издание книги взял на себя историк М. К. Лемке, в ведении которого находилась типография М. М. Стасюлевича¹⁶. «История русской общественной мысли» вышла в свет в октябре 1906 г.

В этой книге Иванов-Разумник поставил перед собой задачу дать не столько историю, сколько философию истории русской интеллигенции; материалом для такого исследования закономерно явилась прежде всего история русской литературы. Интеллигенция определяется Ивановым-Разумником как «этически — antimещанская, социологически — внесловная, внеклассовая, преемственная группа, характеризующаяся творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и личному освобождению личности»¹⁷. История интеллигенции схематизируется им как борьба двух противоположных философско-этических начал — индивидуализма, главного содержания истории русской интеллигенции, понимаемого как «примат личности», как «признание, что благо реальной человеческой личности должно служить критерием наших поступков, нашего мировоззрения», и мещанства — предельно общего понятия, которым Иванов-Разумник объединяет «узость формы, плоскость содержания и безличность духа», всяческую посредственность и трафаретность¹⁸. Эта борьба прослеживается во всей истории русской общественной мысли, литературы и критики, подробно рассматриваемой Ивановым-Разумником от XVIII в. вплоть до современности.

«История русской общественной мысли» вызвала большую критическую литературу — явный результат того, что Иванов-Разумнику удалось осветить неразработанную и чрезвычайно актуальную тему. С хвалебными рецензиями выступили М. К. Лемке¹⁹ и Е. А. Ляцкий²⁰. Разноречивые оценки вызвали введенные Ивановым-Разумником основные определяющие понятия: А. Г. Фомин счел определения индивидуализма и мещанства удачными, строго формулированными²¹; А. С. Глинка (Волжский) в обстоятельной статье отметил, что схематизм Иванова-Разумника, сообщая книге «цельность и внутреннее единство», порождает в то же время абстрактность, некоторую безжизненность и пустоту характеристик, в ущерб живому и индивидуальному²². Философ-идеалист С. Л. Франк

увидел в книге Иванова-Разумника характерный симптом перелома в миросозерцании русской интеллигенции: борющиеся идейные направления понимаются автором «не в социально-политическом, а в этическом или культурно-философском смысле»²³. Именно это обстоятельство, а также опора Иванова-Разумника на народническую «субъективную социологию» вызвали неприятие его книги марксистской критикой. С отрицательным отзывом о ней выступил известный критик-меньшевик В. П. Краинихфельд²⁴. Г. В. Плеханов в большой статье об «Истории русской общественной мысли» («Идеология мещанина нашего времени») протестовал против идеалистической трактовки Ивановым-Разумником понятий интеллигенции и мещанства, как внесловных и внеклассовых, против превращения социологических представлений в этические, отвлеченные от «конкретной почвы классовых отношений»²⁵.

В заключительной главе «Истории русской общественной мысли» Иванов-Разумник бегло касается новейшего течения в литературе, обычно индентифицировавшегося с декадентством. Развивая идеи своего юношеского доклада о двух содержаниях этого термина, он видит в лучших представителях «декадентского» направления (Бальмонте, Мережковском, Сологубе, Розанове) романтиков по типу мировосприятия, выразителей эстетического и религиозного романтизма²⁶. В первом издании своего труда Иванов-Разумник еще не упоминает в этом ряду имени Блока, оно возникает (правда, только мимоходом) во второй его большой книге — «О смысле жизни» (1908): говоря о «преломлении идей имманентного субъективизма об объективной бессмысленности жизни человека и человечества», он ссылается на пьесу Блока «Балаганчик»²⁷. «Имманентный субъективизм» — проецированная на Герцена система мировоззрения Иванова-Разумника, противопоставленная им позитивной и мистической теориям прогресса. Отрицая объективную осмысленность и целесообразность бытия, Иванов-Разумник признает субъективную целесообразность: цель — в настоящем, в стремлении к полноте переживаний, к широте, глубине, интенсивности человеческой жизни. Такое мировоззрение необходимо включает в себя и «чувство социальной ответственности»: «<. . .> именно во имя этой полноты бытия мы и будем бороться за будущее, за осуществление в этом будущем наших идеалов правды-справедливости <. . .> борьба эта в громадной степени увеличивает полноту бытия, она безгранично расширяет кругозор моей жизни»²⁸. Характерно, что опорой для своих выводов Иванов-Разумник находит в творчестве писателей, задававшихся «карамазовскими вопросами» и в той или иной степени связанных с символизмом: книга включает обстоятельные очерки о миросозерцании Ф. Сологуба, характернейшего представителя символизма, Л. Андреева, тяготевшего во многих своих произведениях 1900-х годов к символистской поэтике, и Л. Шестова — философа, деятельность которого развивалась в кругу тем, обсуждавшихся символистскими идеологами.

Движение навстречу «новому» искусству характеризует эволюцию Иванова-Разумника как литературного критика. Его «неонародническая» позиция была далека от консервативности и дидактизма «Русского богатства» — «ортодоксального» народнического журнала. «Надо только одного желать: чтобы <. . .> общественное учительство не подавляло собою отдельных индивидуальных стремлений, — формулировал Иванов-Разумник («Вечные ценности», 1909), — чтобы литература, уйдя корнями в социальную почву, достигала бы вершиною высших нравственных, эстетических, философских и, в широком смысле, религиозных запросов человеческого духа; чтобы проповедь и учительство не исключали собою творчества и исканий»²⁹. Эти критерии были порождены основополагающим для Иванова-Разумника требованием «органического соединения идеалов личных и общественных»: «борьба за благо народа соединяется с величайшим расцветом внутренней жизни личности»³⁰. Вместе с тем во взглядах Иванова-Разумника существовало определенное противоречие между предельно-индивидуалистической концепцией личности и пафосом социального деяния.

Широту взгляда и «терпимость» в литературно-критических оценках в значительной степени обуславливал исторический подход Иванова-Разумника к общественным явлениям. Исследователь русской литературы и общественной мысли, издававший и комментировавший сочинения Пушкина и Белинского, он мог дать объективную оценку и современным литературным явлениям, независимо от личных или «партийных» пристрастий, чутко улавливал историческую закономерность и определяющие приметы в неизбежной смене литературных форм. Примечательно, что Иванов-Разумник не перерабатывал ранее

написанные статьи, когда по прошествии некоторого количества лет включал их в свои книги. Даже в тех случаях, когда его взгляды на тот или иной предмет существенно менялись или обрисовывались с большей отчетливостью, он не позволял себе вносить принципиальные коррективы в свои критические оценки, стремясь донести их в том виде, в каком они были сформулированы в свое время, в каком уже стали достоянием истории русской литературы. Объективный подход сказывался у Иванова-Разумника и в стремлении с вниманием разобраться в явлениях, чужеродных или даже просто враждебных ему, сопровождать критику своим истолкованием закономерности их возникновения³¹. Такой, в сущности, попыткой осмыслить далекое от его идеалов явление было все усиливавшееся тяготение Иванова-Разумника к деятельности символистов, в том числе к творчеству Блока.

В обзорной статье «Русская литература в 1908 году», касаясь литераторов из «созвездия *Весов* и *Скорпиона*» и неодобрительно расценивая «четвертую симфонию» Андрея Белого «Кубок метелей», Иванов-Разумник замечает: «Значительно выше, проще и искреннее Андрея Белого А. Блок, недавно выпустивший новую книгу стихов («Земля в снегу»); этот поэт находится еще в периоде исканий и движется вперед с каждой новой своей книгой»³². Четыре года спустя в аналогичном обзоре «Русская литература в 1912 году» он замечает по поводу первого собрания стихотворений Блока, выпущенного в свет издательством «Мусагет»: «Мне нужны многие и многие стихотворения современных поэтов — и Блока, и Бальмонта, и З. Гишпиус; а раз мне они нужны, то, стало быть, нужны и не одному мне < . . . » Ибо надо смело сказать: мы живем в эпоху расцвета русской поэзии, и не плакаться мы должны, а радоваться той живой художественной струе, которая оправдывает себя самим своим существованием»³³. Разумеется, эти оценки были не только свидетельством вдумчивого приобщения критика к символистской поэзии, становившейся год от года все более крупным явлением, они могли быть высказаны Ивановым-Разумником лишь в ходе наблюдения за характерными сдвигами в этой поэтической школе, обозначившими тяготение к широким жизненным проблемам, попытки передать драматизм эпохи.

Сближение с модернистами характеризует и журнально-издательские предприятия Иванова-Разумника начала 1910-х годов. «В конце 1911-го и начале 1912 года, — отмечает Иванов-Разумник, комментируя в 1940 г. письма М. Горького к нему, — шли переговоры между издательством «Шиповник», с одной стороны, и Ивановым-Разумником и Ал. Н. Бенуа, с другой — об издании в Петербурге ежемесячного художественного, литературного и критического журнала. Ближайшее участие в литературном отделе должны были принимать Леонид Андреев, А. А. Блок, А. М. Ремизов, в отделе художественном — К. С. Петров-Водкин и группа «левых мир-искусственников», имея «теоретиком» Конст. Эрберга»³⁴. Замысел этого издания не реализовался, но возникший в апреле 1912 г. журнал «Заветы» (эсеровский по политической программе), в руководящее ядро которого Иванов-Разумник вошел в сентябре того же года, привлек Блока как одного из основных авторов (стихи его появились в первых двух номерах журнала). Иванов-Разумник, взявший на себя фактическое руководство литературным отделом «Заветов», стремился к объединению лучших писательских сил — в том числе писателей реалистической школы с символистами и «новыми реалистами». Ориентация на символистов в еще большей мере проявилась при учреждении издательства «Сирин» (основной результат его деятельности — собрания сочинений Ремизова, Сологуба, Брюсова; все они не были завершены). В этом начинании Иванов-Разумник и Блок приняли самое близкое участие. Тогда и началось их постоянное общение.

Основателями «Сирина» были капиталист-сахарозаводчик М. И. Терещенко, служивший чиновником особых поручений при директоре императорских театров, и две его сестры. Знакомство Блока с Терещенко состоялось в марте 1912 г. через посредство А. М. Ремизова (VII, 138) и переросло вскоре в тесное дружеское общение. «< . . . » Часто вижу с Терещенкой и все больше его люблю», — писал Блок жене 20 февраля 1913 г.³⁵ Ремизов же ввел в новое издательство и Иванова-Разумника, с которым был дружен с конца 1900-х годов. «Основание издательству «Сирин» положено было 10-го октября в среду 1912 г. в день св. Иакова Поствика, — записал Ремизов. — К вечеру того дня было мне извещение по телефону от Михаила Ивановича, а вечером приехали сестры его Пелагея Ивановна да Елизавета Ивановна и сказали: «Мы решились. Согласны». Эти слова мне очень памяты, понял тогда я и сообразил, что дело начинается, и только направить

надо по-хорошему». На следующий день Терещенки познакомились с Ивановым-Разумником, который взял инициативу в свои руки: «Разумник Васильевич рассказывает, куда и как надо идти и что первым делом предпринять надо, чтобы издательство основать. Пьем чай, курим да слушаем»³⁶. Договоренность с Блоком об участии в издательстве была достигнута 17 октября. Ремизов зафиксировал: «Ездили с Михаилом Ивановичем к Блоку, катались с ним на островах. Блок согласен»³⁷. Сам Блок записал в этот день: «Секрет пока ото всех: издательство, которое устраивают сестры Терещенко. Нанята уже квартира на Пушкинской, деньги будут платить как лучшие издательства, издавать книги дешево, на английской бумаге» (VII, 166). Запись Ремизова от 20 октября свидетельствует, что к идее создания «Сирива» Блок отнесся чрезвычайно заинтересованно, надеясь обрести в новом издательстве внутренне близкий себе литературный центр: «С Блоком разговаривал по телефону: он 2 дня не пишет, так взбудоражен «Сиринком». Он думает, что новое издательств(во) будет иметь огромное значение для рус(ской) литературы и жизни литературной»³⁸.

Торжественное открытие «Сирива» совпало с днем рождения Блока: «16 XI в пятницу в день рожд(ения) Блока освятили редакцию»³⁹. Встречи ближайших сотрудников «Сирива» в редакционной квартире на Пушкинской улице (д. 10) стали регулярными, и Блок был их завсегдатаем (в его дневниках и записных книжках зафиксированы частые, иногда по несколько раз в неделю, посещения редакции). «Здесь он встречался, — пишет биограф Блока М. А. Бекетова, — между прочим с Разумником Васильевичем Ивановым (Иванов-Разумник) и проводил целые часы в разговорах с ним. Так возникла та дружеская связь, которая соединяла их до конца жизни поэта»⁴⁰.

Отношения Блока с Ивановым-Разумником поначалу приобрели характер длительного, многомесячного спора по основным идеологическим и эстетическим вопросам. Встреча их, выходящая из противоположных литературных станов, была чрезвычайно плодотворной и для поэта, и для критика. Иванову-Разумнику, относившемуся к символистскому мироощущению достаточно «внешне» и настороженно, но без догматического предубеждения, было интересно вступить в диалог с одним из самых значительных и талантливых выразителей этого направления. С другой стороны, и для Блока, который тяготился замкнутостью своего окружения и мучительно искал выхода в иной, более широкий мир идей и представлений, простирающийся за пределами символистской шкалы ценностей, общение с Ивановым-Разумником давало ключ к «чужой» системе взглядов, возможность постигнуть их изнутри, отделить подлинное от иллюзорного, отстоять правоту своих воззрений и своих творческих исканий. Их «сиринские» споры затрагивали самые разнообразные темы. Иванов-Разумник вспоминает «долгие беседы о мировой империи, о Наполеоне, о власти — в связи с мировой войной 1914 года», о «плодах наук» («много и часто говорил тогда А. А. об авиации и ее судьбах»), «о гнозисе времен первохристианства, в связи с идеей символизма», о процессе Бейлиса. «Боюсь, — признается Иванов-Разумник в этой позднейшей мемуарной статье о Блоке («Надписи на книгах», 1922), — что я тогда слишком часто играл роль «легкомысленного Евгения» и, слушая стихи А. А. (например, он прочел тогда, среди многого другого, конец третьей главы «Возмездия»), — слишком часто заслуживал применения пушкинских ядовитых строк:

. . . Евгений,

Хоть их не много понимал —

Прилежно Ленскому внимал. . . »⁴¹

Как на подтверждение этих слов Иванов-Разумник ссылался на свою статью «Роза и Крест» (Поэзия Александра Блока)» (1913)⁴². Логика рассуждений в ней та же, что и в главе о Ф. Сологубе в книге «О смысле жизни»: различные этапы творчества Блока Иванов-Разумник трактует как безуспешный поиск всякий раз новой панацеи для выхода из «стеклянной пустыни» декадентства, для преодоления «отграниченности от мира и человека». Определяя суть поэзии Блока как «влюбленность», он утверждает, что это «не тот путь, на котором можно спастись от одиночества, от безумия, от погребения заживо; преодолеть свое «декадентство» влюбленностью — безнадежная попытка поэзии А. Блока», внутренняя «отграниченность» побеждается только на путях «действенной любви к человеку». В новой драме Блока Иванов-Разумник обнаруживает такие же «безнадежные попытки розой и крестом разорвать заколдованный круг» («Вершины», с. 22—23, 26). Не при-

емля художественного метода и идейных основ поэзии Блока, какими они ему тогда представлялись, Иванов-Разумник ценит Блока как «поэта влюбленности и поэта страдания», «поэта розы и креста», и в этом видит смысл, историческое значение и безусловную ценность его творчества.

Сформулированная Ивановым-Разумником в этой статье концепция творчества Блока была порождена его общим пониманием символистской поэзии, неоспоримые достижения и значительность которой он признавал, неизменно указывая на ее идейную ущербность и бесперспективность. Более жестко, чем в статье о «Розе и Кресте», Иванов-Разумник выразил свою позицию в статье о поэзии В. Пяста — «В заколдованном кругу»⁴³. В названии книги стихов Пяста «Ограда» Иванов-Разумник видит воплощение сущности декадентства, для которого мир — пустыня, а подлинное существование протекает в «оазисе внутри «ограды» своего я»; поэты пытаются выйти из этого добровольного плена, разбить ограду, преодолеть «заколдованный круг души» (такова отличительная черта «символистов» по отношению к правоверным «декадентам»), но результаты этих усилий пока только впереди. Общение с Блоком и длительные беседы с ним заставили Иванова-Разумника пересмотреть свои воззрения и по-новому взглянуть на те произведения, которым, казалось бы, он дал достаточно определенную оценку. «< . . . > Совсем не понимал я тогда, — напишет впоследствии Иванов-Разумник о своих «сирийских» встречах с Блоком, — с какого размера явлением стою лицом к лицу; понял я это лишь постепенно, и только в начале 1918 года — окончательно, когда «Двенадцать» и «Скифы» открыли мне свою связь и с «Куликовым полем», и со «Стихами о Прекрасной Даме» < . . . > я не видел тогда, что в эпоху «Стихов о Прекрасной Даме» А. А. Блок имел все «права на символизм» (в моем его понимании), что по его же позднему слову поистине тогда «был он пророком», был он «конкретным максималистом» (по слову Андрея Белого) < . . . >» («Вершины», с. 236)⁴⁴.

Эта эволюция Иванова-Разумника «навстречу Блоку», к пониманию глубокого общечеловеческого и исторического смысла его творчества, отразилась в надписях поэта на книгах. В ноябре 1913 г., на книге «Снежная ночь» «Разумнику Васильевичу Иванову — дорогому врагу — с крепким рукопожатием. Александр Блок», — и в июне 1916 г., на первой книге собрания стихотворений: «Разумнику Васильевичу Иванову — не «врагу», а дорогому критику — с крепким рукопожатием. А. Б.» («Вершины», с. 237—238). Аргументируя первую из этих надписей, Блок записал 8 ноября 1913 г. в дневнике: «Другом называется человек, который говорит не о том, что есть или было, но о том, что может и должно быть с другим человеком. *Врагом* — тот, который не хочет говорить о будущем, но подчеркивает особенно, даже нарочно, то, что есть, а главное, что было. . . дурного (или — что ему кажется дурным)» (VII, 250). Иными словами, Иванов-Разумник казался Блоку «врагом», поскольку он не умел воспринять внутри его внутреннего мира и пытался сформулировать преждевременные категорические выводы о смысле его творчества. «Друг» в понимании Блока должен не только констатировать достигнутое, но и ощущать импульсы к последующему развитию, угадывать за реальными очертаниями перспективу всего пути.

Блок воспринимал Иванова-Разумника еще в ипостаси «врага», когда появилась статья последнего «Вечные пути». «Пришли «Заветы» (№ 3) с *вражеской* статьей о символизме Иванова-Разумника, — записал он 10 марта 1914 г. — Однако ж, как мы недаром с ним встретились, и сколько он значит для меня!» (ЗК, 215)⁴⁵. В этих словах — оценка той роли, которую играли для Блока постоянные мировоззренческие споры с Ивановым-Разумником. Соглашаясь со многими доводами критика, с зоркостью и аргументированностью его оценок, Блок, тем не менее, не мог примириться с его «рационалистическим подходом» к символизму и, в конечном счете, «считал путь этот принципиально верным и в области познания, и в области художественного творчества, признавая все его срывы и пропасти» («Вершины», с. 237). Репликой в этом споре явилась и статья «Вечные пути». Определяя в ней реализм и романтизм как два противоположных полюса, два способа мировосприятия и уравнивая символизм с романтизмом как психологической категорией, Иванов-Разумник утверждал, что подлинный символизм, отрицающий конечное во имя бесконечного, — мистичен, «и от этого мистицизма бесконечно далек А. Блок» — типичный псевдосимволист (в смысле мировоззрения). Предсказывая в ближайшем будущем вновь поворот от символизма к реализму, Иванов-Разумник подчеркивал свою приверженность этому второму «вечному пути»: «Мы — люди нового *реалистического* сознания, и бо

вечное свойство наше — жадное стремление к земной, реальной действительности < . . . > Романтизм, символизм чужд нам, нашему психологическому типу и миропознанию»⁴⁶. Блок обсуждал с Ивановым-Разумником статью «Вечные пути», видимо, 12 марта 1914 г. (ЗК, 216). «Многое внешнее в этой статье было ему враждебно, — признавал Иванов-Разумник. — < . . . > С резкими и часто несправедливыми моими словами — он соглашался: «все, что вы говорите обо мне — правда, да ведь дело-то не во мне». . . < . . . > он — имел право так судить о себе, я о нем — нет» («Вершины», с. 236).

Встречи и объяснения с Блоком, безусловно, помогли Иванову-Разумнику не только глубже войти в мир его творчества, но и более широко и объективно оценить значение для истории русской литературы той поэтической школы, к которой примыкал Блок. В подробном плане задуманной Ивановым-Разумником «Критической истории современной литературы» (1916) символизму уделено весомое место, и он укрупняется в своем историко-литературном значении⁴⁷. Развивая концепцию двух «вечных путей», Иванов-Разумник разделил материал книги на две части, внутренне симметричные одна другой: «Победа реализма и разложение его (1840-е—1890-е гг.)» и «Победа символизма и разложение его (1890-е—1914 гг.)». Первая глава второй части — «Декадентство»; отличительные черты «декадентства» — «эпатирование» литературного мещанина и «начало расцвета поэзии» (три больших поэта — Бальмонт, Брюсов, Сологуб). Вторая глава — «От «декадентства» к «символизму» — должна была осветить религиозные запросы «младших» символистов, их преемственность по отношению к Вл. Соловьеву, а также «победу «нового искусства» к 1905 году». Третья глава — «Стан реализма и поиски новых путей в нем». «Единственную силу» реализма Иванов-Разумник видит в М. Горьком⁴⁸, а «поиски новых путей» — в Л. Андрееве. Выделяя Бунина как представителя «школы Чехова», он определяет остальных писателей-реалистов как «литературное безлюдье». Традиционному реализму Иванов-Разумник противопоставляет как плодотворное течение так называемый «новый реализм», обозначенный для него именами Ремизова, Сергеева-Ценского, Пришвина, Б. Зайцева, А. Н. Толстого, Замятина: на творчество этих писателей он опирался в своей критической деятельности в журнале «Заветы» и способствовал печатанию в нем их произведений. Четвертая глава второй части должна была называться «Вершины символизма и нового реализма». В ней предполагалось коснуться «трех больших поэтов, мыслителей, художников» — Блока, Вяч. Иванова, Андрея Белого. В архитектонике замысла Иванова-Разумника это чрезвычайно почетное место: в первой части книги — о реализме — в соответствующей главе о «вершинах реализма» он собирался говорить только о Л. Толстом и Достоевском. Главы пятая и шестая («Победа и поражение» и «На развалинах символизма») должны были охарактеризовать спад «нового искусства»: волну эпигонства, вульгаризацию символизма, эстетство, школу акмеизма. Будущее литературное развитие Иванов-Разумник видит все в той же «вечной смене двух вечных путей».

Если к поэзии и философско-критической прозе Вяч. Иванова Иванов-Разумник все же остался в целом равнодушен, то в кратковременную «сиринскую» эпоху (1912—1915) его пристрастия к творчеству Блока и Андрея Белого определились окончательно. Подчеркивая идейную чуждость себе обоих символистских авторов, Иванов-Разумник, тем не менее, видел в их произведениях самые замечательные достижения современной литературы. В обзоре «Русская литература в 1913 году» он выделил их «определяющие» произведения, только что увидевшие свет, — «Петербург» и «Розу и Крест»: «Давно уже ищет Александр Блок, в наступившем году он мог бы отраздовать, если бы захотел, десятилетний юбилей < . . . >, — и все не было у него «определяющего» его творчества произведения. Драма «Роза и Крест» явилась таким произведением, вплоть до своего заглавия. Ибо < . . . > все творчество Александра Блока является соединением черной розы влюбленности с светлым крестом страдания: и в том, и в другом ищет он спасения от безнадежного мирового одиночества. Драма эта как бы подвела итоги всему его предыдущему творчеству»⁴⁹. Ключом к Блоку и Белому для Иванова-Разумника была прежде всего подмеченная в них вечная неуспокоенность, стремление к переоценке ценностей, пафос исканий. Именно эти качества были особенно дороги Иванову-Разумнику в Белинском (столь чуждом Блоку⁵⁰), деятельностью которого он углубленно занимался в эти годы (издав, в частности, в 1911 г. его трехтомное собрание сочинений). «Достигнутая, постоянная, «статическая» истина не была его уделом; истина в процессе выработки, «динамическая» истина только и была ему свойственна», — отмечал Иванов-Разумник в своей книге о Бе-

лянском⁵¹. Те же особенности имели для него свою притягательную силу и в творческих обликах Блока и Белого; они, с его точки зрения, помогли двум писателям-символистам стать крупнейшими выразителями своей эпохи. Тезисы о творчестве Белого и Блока как о высшем достижении символизма в России Иванов-Разумник развивает и в очерке «Русская литература XX века», вошедшем в 5-е издание «Истории русской общественной мысли» и также выпущенном в свет отдельной брошюрой⁵²; в нем в конспективной форме были высказаны идеи ненаписанной «Критической истории современной литературы».

«Роза и Крест» была опубликована в первом альманахе «Сирин» (1913), «Петербург» Андрея Белого был начат печатанием в нем же и завершен во втором и третьем альманахах (1913—1914). Выход в свет «Петербурга» — плод совместных усилий Иванова-Разумника, редактора «Сирина», и Блока, с которым Терещенко советовался при выборе материала; автор романа жил в 1912—1916 гг. за границей. Хотя в «Сирине» и «выдерживалась строгая символистическая линия»⁵³, тем не менее пришлось преодолеть сопротивление владельца издательства, остерегавшегося печатать столь сложное и непривычное произведение большого объема. В хлопотах вокруг романа Белого Блок нашел в лице Иванова-Разумника полную поддержку. «*. . .* Когда я получил его рукопись в 1912 году и прочел, — вспоминал Иванов-Разумник, — то был крайне огорчен, что не мог напечатать его в «Заветах» (денег не хватало); зато приложил все усилия, чтобы он вышел в «Сирине», — это стоило мне (и Блоку) больших трудов»⁵⁴. 3 ноября 1913 г. Блок писал В. Княжнину о Белом: «*. . .* все его ругают, я только одного человека встретил сочувствующего, кроме себя»⁵⁵; под этим сочувствующим явно подразумевался Иванов-Разумник. Печатание «Петербурга» в «сиринских» альманахах, а затем и выпуск в свет отдельного издания романа были общим делом Блока и Иванова-Разумника, способствовавшим их дружескому сближению; они вдвоем фактически заменили отсутствовавшего автора. Значительная часть переписки Блока и Иванова-Разумника посвящена этим работам. Будучи деловым и опытным литературным работником, Иванов-Разумник помогал Блоку и в разрешении некоторых иных, регулярно возникавших, организационно-издательских вопросов⁵⁶.

Деятельности «Сирина» положила конец мировая война: Терещенко ликвидировал издательство весной 1915 г. 16 декабря 1915 г. Иванов-Разумник сообщил Лемке о Терещенко: «Весь поглощен войной и промышленными комитетами; он продал свое «сахарное дело» за семь миллионов, из них 1 милл<ион> издержал «на войну» и 3 милл<иона> — на Красный Крест *. . .* Я сердит на него за поверхностное наезничество в литературу с «Сирином»; но поверхностность уживается в нем с порядочностью»⁵⁷. Намеченные «сиринские» издания сочинений Блока и Белого остались неосуществленными. Но внутренняя связь между Блоком и Ивановым-Разумником после этого даже укрепилась. «Случилась — война, сблизившая нас с А. А. на совершенно иных путях, чем пути прежнего расхождения, — вспоминал Иванов-Разумник, — *. . .* мне — стало более чем когда-либо ясно основное «максималистическое» настроение Александра Александровича в его отношении не только к войне; война открыла мне глаза вообще на тот «конкретный максимализм» Блока, который я недооценивал и в совершенно другой области — в области его поэтического творчества» («Вершины», с. 238). В неприятии шовинистических настроений, восторжествовавших в литературных и общественно-политических кругах, в отрицании войны Блок и Иванов-Разумник были едины. Блок с сочувствием отнесся к антивоенной статье Иванова-Разумника «Испытание огнем», написанной в конце 1914—начале 1915 г. и распространявшейся в гектографированных копиях. В ней доказывалось, что «для демократии мировая колониальная война есть война *постолонная*, чуждая, чужая», что за ней могут разгореться войны еще более ужасные и что «только силы демократии могут остановить эту чудовищную гекатомбу грядущего, только возрожденный социализм, в борьбе за новый мир отрешившийся от мира старого, может подкосить в корне эти кошмары будущего»⁵⁸. Начало мировой войны сразу дало Иванову-Разумнику ощущение неизбежности революционного финала. «Война кончится через год, а новой «коммуны» раньше или позже все равно не избежать — «и в Берлине и в Париже». . .», — писал он 27 августа 1914 г. Ф. Сологубу⁵⁹. И этому предчувствию были созвучны строки Блока из стихотворения «Петроградское небо мутилось дождем. . .» (1 сентября 1914 г.):

А с дождливых полей всё несло к нам ура,
В грозном клике звучало: *пора!*

Максимализм «романтика» Блока был поддержкой для того идейного максимализма, к обоснованию которого пришел «реалист» Иванов-Разумник в предреволюционные годы и который приобрел определение «скифства», «скифского» мироощущения. Его контуры впервые обозначились в статье Иванова-Разумника «Человек и культура (Дорожные мысли и впечатления)» (1912), напечатанной в «Заветах» с подписью «Скиф»⁶⁰. В ней противопоставляются понятия подлинной культуры и буржуазной цивилизации, «внешней культуры» Берлина, с которой Иванов-Разумник познакомился в июне 1912 г. 7 (20) мая 1914 г. он писал Ф. Сологубу о своих уже отстоявшихся берлинских впечатлениях: «Берлин для меня — то же, что «Петербург» для Андрея Белого: кошмар; но вполне «реальный», с кровью и мясом (— с пивом и сосисками). От кошмара этого никуда не спрячешься — и он все больше и больше проявляется в нашей русской жизни. Отмахнуться от него нельзя, преодолеть его, пройти через него — надо»⁶¹. Утверждая «глубокую ненормальность» открывшегося ему стиля европейской жизни, Иванов-Разумник обнаруживает себя носителем своего рода «почвеннических» убеждений, но с ярко выраженным революционным уклоном. Характерно, что идейное наполнение образа «скифа» Иванов-Разумник воспринял от Герцена, сказавшего в 41-й главе «Былого и дум»: «Я, как настоящий скиф, с радостью вижу, как разваливается старый мир, и думаю, что наше призвание — возвестить ему его близкую кончину»⁶². «Русский максимализм» Иванова-Разумника оказывается опорой для отрицания усредненного мещанского существования «обреченной на муки комфорта и культуры городской толпы», он вселяет убеждение, что «строй подобной жизни неизбежно будет разрушен»⁶³. Наблюдениям и размышлениям «скифа» близка определившаяся в эти же годы историческая концепция Блока, его осознание всеобщего неблагополучия и неизбежности катастрофического разрешения трагических противоречий, его ожидание стихийных очистительных перемен.

Первый сборник «Скифы», редактировавшийся А. И. Иванчиным-Писаревым, Ивановым-Разумником и С. Д. Мстиславским, был сформирован к концу 1916 г., но вышел в свет уже после Февральской революции. Он открывался введением-манифестом «Скифы (Вместо предисловия)», подписанным коллективным псевдонимом «Скифы»; текст введения был написан С. Д. Мстиславским (1-я глава) и Ивановым-Разумником (2-я глава)⁶⁴. «Вечную революционность» «скифы» противопоставляли «реформизму» и «духу Компромисса», «святое безумие» — «благоразумию», «искания непримиренного и непримиримого духа» — умеренности, трезвости и бескрылости «всесветного Мещанина», который «губит искусство — в эстетстве, науку — в схоластике, жизнь — в прозябании, революцию — в мелком реформаторстве»⁶⁵. Безраздельная устремленность «скифов» к грядущему, к «революции духа», открывающейся за реальностью революции социальной, к «духовному преображению» глубоко импонировали Блоку, воспринимавшему революцию не столько в общественно-политическом, сколько в духовном, «музыкальном», отчасти даже эсхатологическом аспекте, увидевшему в ней прежде всего мятежную бурю, стихийный «мировой пожар»; не менее близки ему были и «отрицательные» моменты в «скифстве» — неприятие буржуазного уклада жизни, мещанства, «благоразумия» (в самом широком смысле). «Идея духовного максимализма, катастрофизма, динамизма — была для Блока тождественна со стихийностью мирового процесса; только случайным отсутствием Александра Александровича из Петербурга и спешностью печатания сборника объяснялось отсутствие имени Блока в «Скифах», — писал Иванов-Разумник («Вершины», с. 223—224).

«Скифский» максимализм сказался и в той неудовлетворенности слишком «благоразумными» итогами Февральской революции, которую ощущали Блок и Иванов-Разумник в дни возобновления их постоянного общения, два года спустя после закрытия «Сирена». В середине июля 1917 г. они случайно встретились. «< . . . > Я шутя напомнил, говоря о современной эпохе «керенщины», — вспоминает Иванов-Разумник, — что «всемирный запой» не излечивается никакими «конституциями» — если даже они носят имя «политической революции» (стихи Блока: «А вот у поэта — всемирный запой, и мало ему конституций. . .»). Блок улыбнулся, но тут же согнал улыбку с лица и сказал: «Да, знаете, — душно!». «Душно потому, — комментирует эти слова Иванов-Разумник, — что пытаются стиснуть, оковать стихию революции, которая ворвалась в жизнь, но еще не весь сор смела с лица земли. И мы поняли, что незачем нам говорить о партиях, о направлениях, но лишь о тоне и ощущениях подлинной революции; где она, там был и Блок. В «керенщине» он задышался» («Вершины», с. 223). В это время Иванов-Разумник постоянно выступал

с политическими и литературно-критическими статьями на самые злободневные темы, направленными, по его словам в предисловии к объединяющей их книге «Год революции», «против двух врагов: политического либерализма и мещанского социализма»⁶⁶. Непосредственную цель борьбы он видит в прекращении мировой войны и в расширении революции политической до революции социальной и мировой. «<. . .> Идет мировая революция, — писал Иванов-Разумник Андрею Белому 29 апреля 1917 г., — <. . .> через год или через век, но от искры этой вспыхнет мировой пожар <. . .> И дух этот испепеляющий — есть дух созидающий»⁶⁷. Стремясь дать емкую формулу своего духовного пафоса, Иванов-Разумник приводит в одной из статей 1917 г. строки из блоковских «Ямбов»: «Презренье созревает гневом, А зрелость гнева — есть мятеж»⁶⁸.

Не один Блок был в эти дни солидарен с Ивановым-Разумником. Из других крупных поэтов «скифское» мироощущение разделяли Андрей Белый, Клюев, Есенин⁶⁹; их произведения преобладали в двух сборниках «Скифы». Во втором сборнике, вышедшем в конце 1917 г., была напечатана программная статья Иванова-Разумника «Две России», в которой обосновывалась неслучайность и глубокая символическая природа этого писательского объединения для переживаемого переломного момента истории, открытость его «новому слову и благой вести», которые несет с собой революция⁷⁰.

Октябрьскую революцию Блок и Иванов-Разумник восприняли единодушно. «Был я у А. А. Блока; радостно было видеть в дни обывательской растерянности спокойную и бодрую веру в будущее», — писал Иванов-Разумник Андрею Белому 11 января 1918 г.⁷¹ Примыкая к партии левых эсеров, Иванов-Разумник имел непосредственное отношение к октябрьским событиям, работал вместе с большевиками. «Я с ними провел все дни Октябрьской революции — с 26 по 28 октября я был безвыходно в Смольном», — сообщал Иванов-Разумник Белому 9 ноября 1917 г.⁷² Такая позиция не нашла признания даже в близкой Иванову-Разумнику писательской среде. Вспоминая (в письме к Белому от 17 сентября 1919 г.) «трудные — но и радостные — дни и месяцы конца 1917, начала 1918 года», он подчеркивал: «Только в Вас и еще Блоке нашел я поддержку, сочувствие, единомыслие»⁷³. В первые месяцы после Октябрьской революции Иванов-Разумник оказывается едва ли не самым близким Блоку человеком из литературного мира. Записные книжки поэта за вторую половину 1917 г. не сохранились, но из записей 1918 г. видно, что Иванов-Разумник стал постоянным собеседником и конфиденнтом Блока, причастным к судьбе всех его литературных и общественных дел. «Много и часто говорим о Вас с Ал. Ал. Блоком, который делается мне все ближе и ближе», — признавался Иванов-Разумник Андрею Белому в письме от 5 сентября 1918 г.⁷⁴ Сам Блок заверял Белого (в письме от 9 апреля 1918 г.), что с Ивановым-Разумником ему часто бывает хорошо и «особенно» (уютно и тревожно вместе)» (VIII, 512).

Интенсивно общались Блок и Иванов-Разумник и в январе 1918 г. — в дни, когда поэт работал над «Двенадцатью». 30 января 1918 г. Блок виделся с Ивановым-Разумником в редакции газеты «Знамя труда», в тот же день были закончены «Скифы», начатые накануне. Иванов-Разумник передает в связи с этим свой разговор с Блоком о первом сборнике «Скифы», в котором было напечатано одноименное стихотворение Брюсова: «<. . .> мы говорили с Александром Александровичем, насколько эти брюсовские «Скифы» мало подходят к духу сборника (настолько мало подходят, что, печатая их, мы, редакция сборника, сами переименовали их в «Древних скифов» — так и было напечатано), говорили и о том, какие «Скифы» должны бы были быть напечатанными, чтобы скифы были скифами, не «древними», а вечными. А. А. Блок напомнил об этом разговоре, когда в начале восемнадцатого года дал мне прочесть только что написанных своих «Скифов»» («Вершины», с. 224). Знаменитое революционное стихотворение Блока, при всей широте и богатстве его актуального и историософского содержания, может рассматриваться и как своего рода манифест «вечного скифства», как самое определенное и яркое выражение этого стихийного мироощущения. Оно должно было вместе с поэмой «Двенадцать» открывать третий сборник «Скифы», но издание это осуществить не удалось.

Важнейшие произведения Блока впервые увидели свет в газете левых эсеров «Знамя труда»: статья «Интеллигенция и Революция» — 1 февраля (н. ст.)⁷⁵, «Скифы» — 20 февраля, «Двенадцать» — 3 марта 1918 г. Печатавшие их организовал Иванов-Разумник, заведовавший литературным отделом «Знамени труда». Вторично «Двенадцать» и «Скифы»

были напечатаны в апреле 1918 г. в первом номере левозсеровского журнала «Наш путь», в котором Иванов-Разумник был редактором литературного отдела, а затем, в мае 1918 г., вышел (с приложением статьи Иванова-Разумника «Испытание в грозе и буре») в издательстве «Революционный социализм». М. А. Бекетова писала об отношении Блока к «Знамени труда» и «Нашему пути»: «Ал. Ал. <. . .> близко стоял к интересам редакции, находя в ее атмосфере отклик своих настроений. Он очень часто заходил в «Знамя труда» и проводил там целые часы в оживленной беседе на всевозможные темы, особенно много общего было у него с Ивановым-Разумником <. . .>»⁷⁶. Сам Блок в «Записке о «Двенадцати» (1920) подчеркнул свое отношение к этим печатным органам: «Одна из политических партий, пользовавшаяся во время революции поддержкой правительства, уделила место и культуре: сравнительно много места в большой газете, и почти целиком — ежемесячный журнал <. . .> Небольшая группа писателей, участвовавшая в этой газете и в этом журнале, была настроена революционно <. . .> Большинство других органов печати относилось к этой группе враждебно, почитая ее даже собранием прихвостней правительства. Сам я участвовал в этой группе, и травля, которую поднимали против нее, мне очень памятна»⁷⁷. Все это давало повод для причисления Блока к литераторам левозсеровской ориентации; в частности, А. В. Луначарский, характеризуя Блока в письме к Н. П. Горбунову (для последующей передачи Ленину), написал (9 марта 1921 г.), что тот «после революции присоединился к левым эсерам»⁷⁸. На деле речь могла идти только о внешнем присоединении, ибо к политической программе и партийной тактике левых эсеров Блок, всегда остававшийся невосприимчивым к вопросам политики, не имел никакого отношения. Не только он, но Иванов-Разумник (формально не являвшийся членом этой партии), был литературным работником и не имел отношения к практической деятельности левых эсеров; и Блока, и Иванова-Разумника сближал с ними в основном дух революционного максимализма, не лишеного известной анархо-утопической окраски. Иванов-Разумник в связи с этим писал: «<. . .> левые эсеры были тогда той политической партией, которая, признавая значение культуры вне всякой политики, предоставила нам экстерриториальность в своих органах (весь «нижний этаж» газеты, весь литературный отдел журнала были в нашем распоряжении); эти «политики» поняли, перед каким мировым явлением они стоят, когда впервые читали «Двенадцать» и «Скифов» Блока («Вершины», с. 225). Объединяющим началом в отношении Блока и Иванова-Разумника этого времени была не левозсеровская политическая линия, а отвлеченная «скифская» идеология, подкреплявшаяся реальностью свершившегося революционного переворота.

В апреле 1918 г. Иванов-Разумник написал статью «Испытание в грозе и буре», посвященную «Двенадцати» и «Скифам». Эта работа была первым обстоятельным разбором произведений Блока с близких автору идейных позиций. Имеет все основания мнение о том, что в своем толковании Иванов-Разумник «в известной мере опирался на разъяснения самого Блока»⁷⁹: прежде чем статья появилась в печати, Иванов-Разумник беседовал с Блоком о его произведениях, читал ему фрагменты своей статьи, выслушивал его замечания. 14 апреля 1918 г., после опубликования статьи в первом номере «Нашего пути», Блок записал: «Издавать «Двенадцать» и «Скифы» вместе со статьей Иванова-Разумника. Я исследовал ее ночью» (ЗК, 400). Таким образом, он расценил «Испытание в грозе и буре» как вполне соответствующий смыслу его произведений критический комментарий. На другой день Блок беседовал с Ивановым-Разумником о его статье и, согласно воспоминаниям последнего, сделал ему в заключение разговора большую и чрезвычайно лестную для него и для его труда надпись, которая погибла при разгроме редакции «Нашего пути» в июле 1918 г. («Вершины», с. 242).

В статье «Испытание в грозе и буре» Иванову-Разумнику удалось понять и по достоинству оценить масштаб произведений Блока. «Двенадцать» он сопоставляет с «Медным Всадником», а «Скифов» — с пушкинским стихотворением «Клеветникам России» и фактически утверждает конгенеральность этих произведений: в первом случае и Пушкин и Блок уводят от реального Петербурга «в захват вопросов мировых, вселенских», предстают «на грани реального и над-исторических прозрений», во втором — решают «старый, вечный вопрос — о Востоке и Западе, о России и Европе». Пушкин и Блок знаменуют важнейшие этапы на пути истолкования этого вопроса, который Иванов-Разумник, уже под явным влиянием историсофии символистов и Вл. Соловьева, называет «вечным вопросом нашей истории» («Вершины», с. 183, 187, 194)⁸⁰. В этой статье исчезают все былые тезисы

критика о «стеклянной пустыне» «декадентства» и безуспешности попыток Блока выйти из нее; наоборот, Иванов-Разумник прочерчивает линию преемственности между революционными произведениями Блока и «прежним» Блоком, выступая одновременно против тех читателей, которые обвиняли поэта в отступничестве от самого себя: «Когда маленькие люди явят большого поэта; что он теперь, в грозе и буре мировых событий — не в их утином стаде, что он чему-то «изменил», что он «вдруг» стал духовным, политическим и социальным «максималистом», — то это просто вздор, незнакомство утино стада с творчеством того самого поэта, которого оно так глубокомысленно судит» («Вершины», с. 194—195). В поэме Блока Иванов-Разумник обнаруживает два неразрывно спаянных внутренних мотива, «двойную, переплетающуюся истину», которая предстает в первых же строках: «Черный вечер — кровь, грязь, преступление; белый снег — та новая правда, которая через тех же людей идет в мир». «Двенадцать» поэмы по праву связаны с двенадцатую апостолами, тоже «грешниками», ибо через них приходит в мир высшая правда, «новая благая весть о человеческом освобождении» («Вершины», с. 180, 178). В «Скифах» Иванов-Разумник подчеркивает их интернационалистское звучание, «ибо «скифы», как и «мещане» — интернациональны», трактует стихотворение как «призыв русского «скифа» к «скифам» западным», как «призыв русской революции (ибо «скифство» — есть революция) к революции мировой». «Двенадцать» и «Скифы» Блока — пророчество о пришествии нового мира, о горизонтах наступающего духовного освобождения, открывающихся за «очистительной грозой» социальной революции, и в этом смысле их значение трудно переоценить: «То, к чему мировая история придет в грядущем, мировая поэзия дает нам в настоящем» («Вершины», с. 198, 200, 203).

Отношения Блока и Иванов-Разумника достигли в 1918 г. своей кульминации. Это была пора и их самого тесного дружеского общения, и наибольшего внутреннего сближения в совместном восприятии «музыки» революции. Дружба не исключала, однако, идейных противостояний в вопросах, касавшихся самого существа мировосприятия Блока и Иванова-Разумника, остававшегося принципиально различным — иррациональным, интуитивно-поэтическим у одного, рационалистическим, логически-дискурсивным у другого. Одним из свидетельств продолжавшихся между ними споров по самым общим проблемам самоопределения личности служит письмо Иванова-Разумника Блоку от 20 сентября 1918 г., написанное в продолжение состоявшегося накануне разговора о понятиях «культура» и «цивилизация» и их трактовке в книге Е. Полетаева и Н. Пунина «Против цивилизации»: признавая, что за последние годы он ближе подошел к миропониманию Блока и увидел правоту его идеалов, «подлинные подъемы» в недоступные обычному «реалистическому» сознанию сферы, Иванов-Разумник подчеркнул, что он остается верен основам своего «имманентного субъективизма», ставящего во главу угла человека, а не надчеловеческое начало. Иванов-Разумник сообщает, что Блок написал ему тогда ответное письмо (которое, к сожалению, не сохранилось до сегодняшнего дня): «Из письма А. А. выросла вскоре тема его «Крушения гуманизма»» («Вершины», с. 245). В этой блоковской статье вопрос о культуре и цивилизации переключен в плоскость рассуждений об исчерпанности старого гуманистического мирозерцания и предвозвещении новой эры культуры, когда на смену «гуманному» человеку придет «человек-художник». «По сути дела, — справедливо заключает о «Крушении гуманизма» Д. Е. Максимов, — статья эта представляет собой попытку обоснования правды массового революционного движения, не совместимой, по Блоку, с гуманизмом прошлого, который был связан главным образом с идеей индивидуальной обособленной личности»⁸¹.

В 1919 г. и в последующие годы Блок и Иванов-Разумник встречаются по-прежнему регулярно, хотя иногда и с большими промежутками, но уже нет той интенсивности внутреннего общения, которая была в первый год революции. Сам Иванов-Разумник склонен объяснять это более общими причинами — замкнутостью, настроениями подавленности, душевной усталостью, проявлявшимися у Блока со все нарастающей силой в дни, когда уже была позади пора, в которую он в последний раз «отдался стихии», — зима 1917—1918 г., давшая «Двенадцать» и «Скифов». «Зиму 1918—1919 года, — свидетельствует Иванов-Разумник, — он переживал как «страшные дни» (так надписал он одну подаренную свою книгу в декабре 1918 г.). Он вспыхнул было в последний раз при известии о новой волне революции — в Германии; но скоро погас. «Страшные дни» обступили его. Он видел их в прошлом, он провидел их в грядущем < . . . > И тихо, тихо, но беспощадно

втедалась в душу поэта беззвездная тоска» («Вершины», с. 226). Нужно отметить, что и настроения Иванова-Разумника, разделявшего блоковские романтические представления о революции, были сходными в те годы, когда стала зримо складываться новая государственность, многими своими чертами не удовлетворявшая его анархо-максималистским, «скифским» установкам. Справедливо отмечено, что «власть революционного государства подчас ощущалась Блоком как изжившая себя сила, объективно противостоящая душевным устремлениям, воле и совести «освобожденного человека»⁸². Идеальные представления о революции вступали и у Блока, и у Иванова-Разумника в конфликт с наблюдаемой повседневной действительностью, в которой они особенно болезненно воспринимали симптомы воскрешения ненавистного им буржуазного уклада жизни. Мрачные, болезненные настроения Блока в последние годы его жизни происходили, согласно трактовке Иванова-Разумника, «от смертельной тишины старого мира, сменившей собою пронесшийся гул» («Вершины», с. 225)⁸³.

Подобно Блоку, Иванов-Разумник в эти годы много занимался культурно-просветительской деятельностью — работал вместе с Блоком в Театральном отделе Наркомпроса, участвовал в многочисленных заседаниях по издательским вопросам, выступал с лекциями и докладами и т. д. К 50-летию со дня смерти Герцена он организовал издание юбилейного сборника («А. И. Герцен. 1870 — 21 января — 1920. Сборник под ред. Иванова-Разумника»), для которого Блок написал небольшую статью «Герцен и Гейне» (VI, 141—143)⁸⁴. Основным местом деятельности Иванова-Разумника в 1919—1924 гг. стала Вольная философская ассоциация («Вольфила»), учрежденная «с целью исследования и разработки в духе философии и социализма вопросов культурного творчества»⁸⁵, — последнее организованное им совместно с Блоком начинание.

Идея «Вольфилы» возникла осенью 1918 г. 30 сентября 1918 г. Блок зафиксировал: «Р. В. Иванов у меня е. . .» О «Вольной философской академии» (ЗК, 429). Блок был одним из авторов «записки» об академии, опубликованной в ноябре 1918 г.⁸⁶, он участвовал в самых предварительных обсуждениях целей и задач будущей организации. В январе 1919 г. определился состав членов-учредителей — 12 человек: кроме Иванова-Разумника и Блока — музыковед А. М. Авраамов, Андрей Белый, литератор из футуристов Б. А. Кущнер, Е. Г. Лундберг, В. Э. Мейерхольд, С. Д. Мстиславский (один из соредаторов «Скифов»), К. С. Петров-Водкин, Л. Шестов, философ А. З. Штейнберг, Конст. Эрберг⁸⁷. 26 января на квартире Иванова-Разумника в Детском Селе состоялось общее собрание учредителей с участием Блока (в этот день Блок записал: «В Царское — к Р. В. Иванову и Б. Н. Бугаеву: заседание Вольной философской академии е. . .» Уют в семье Р. В. Иванова» — ЗК, 447). Первоначально решено было, что первое заседание откроется в феврале 1919 г. докладом Блока «Катилина, — эпизод из истории мировой революции» (была даже отпечатана информированная об этом афиша), но на пути нового общества образовались препоны, и Вольная философская ассоциация смогла начать свою деятельность только в ноябре 1919 г. Председателем совета «Вольфилы» был избран Андрей Белый, товарищем председателя — Иванов-Разумник. Первоначально предполагалось, что пост председателя возьмет на себя Блок, но поэт отказался от этого⁸⁸.

Первое открытое заседание Вольной философской ассоциации состоялось 16 ноября 1919 г. На нем выступил Блок с докладом «Крушение гуманизма», которому предшествовали краткие сообщения Иванова-Разумника, Конст. Эрберга и А. З. Штейнберга об общих задачах и организационных принципах ассоциации. В направлении, намеченном докладом Блока, была ориентирована дальнейшая работа «Вольфилы». «е. . .» Тема эта, тема *кризиса современной европейской культуры*, стала основной в ряде последующих докладов и чтений», — писал Иванов-Разумник в информационной статье о «Вольфиле»⁸⁹. Среди них прежде всего нужно назвать доклады самого Иванова-Разумника «Эллип и скиф» (23 ноября 1919 г., 2-е открытое заседание), «Три искушения (Христианство и социализм)» (1 февраля 1920 г., 12-е открытое заседание), «Скиф в Европе» (восходящий к статье 1912 г.) (23 февраля 1920 г., 16-е открытое заседание) и доклад Андрея Белого «Кризис культуры» (21 декабря 1919 г., 6-е открытое заседание; читался в отсутствие автора)⁹⁰. 29 июля 1920 г. в «Вольфиле» состоялся вечер Блока: вступительное слово произнес Иванов-Разумник, Блок читал главы из поэмы «Возмездие» и стихотворения⁹¹. Под председательством Блока состоялось заседание памяти Вяч. Соловьева (15 августа 1920 г., 38-е открытое заседание), на нем выступали А. А. Гизетти, В. Е. Чехихин, А. З. Штейнберг, А. А. Мейер,

Э. Л. Радлов. Блок заключил заседание своим докладом «Владимир Соловьев и наши дни» (VI, 154—159)⁹².

Блок не стал постоянным участником заседаний «Вольфи́лы», не вел в ней занятий, не читал лекций и уклонялся, как правило, от постоянных предложений Иванова-Разумника глубже войти в жизнь ассоциации. Так, он не принял участия в «вольфильской» «беседе о пролетарской культуре» (см. п. 29), воздержался от председательствования на «платоновском» заседании 7 ноября 1920 г. («...» звонит один из стоящих на страже моей — Р. В. Иванов, и предлагает председательствовать на заседании Вольфи́лы в годовщину ее, посвященном Платону. А я-то «уклоняюсь в Аристотеля!»), — иронически записал Блок 22 октября 1920 г. — VII, 372) и т. д. В этом, безусловно, сказывались душевная усталость и надломленность, омрачившие последние годы жизни поэта, а также переключение его основных дел в область театра и редакторско-издательской деятельности. Но отношение Блока к ассоциации и другим ее руководителям неизменно было окрашено любовью и внутренней близостью. О дне открытия «Вольфи́лы» М. А. Бекетова свидетельствует: «Этот вечер был одним из лучших впечатлений Ал. Ал. в этом безрадостном году»⁹³. 29 июля 1920 г. Блок записал: «Мой вечер в Вольфи́ле (вступительное слово Иванова-Разумника). Были мама и Люба. Хорошо» (ЗК, 497). Отрадными были впечатления Блока и от собрания памяти Вл. Соловьева. Иванов-Разумник в связи с этим отмечал: «Я видел Александра Александровича вскоре после этого заседания, и помню, какими светлыми и хорошими словами говорил он (не мне одному — часто говорил он об этом многим близким ему людям) о том, что Вольфи́ла теперь для него — единственное дорогое и светлое место, что хотя на соловьевском заседании многое было неудачным, «не-вольфильским», но в общем стоит и надо продолжать работу <...> Он видел здесь продолжение работы той бывшей «скифской» группы, с которой он был так тесно душою связан» («Вершины», с. 227—228)⁹⁴.

После смерти Блока в «Вольфи́ле» при активном участии Иванова-Разумника был организован вечер его памяти (28 августа 1921 г., 83-е открытое заседание). На нем выступили Андрей Белый, А. З. Штейнберг и Иванов-Разумник, поделившийся воспоминаниями о встречах с Блоком и охарактеризовавший связь поэта с «Вольфи́лой». Иванов-Разумник организовал и издание стенограммы этого заседания: книга «Памяти Александра Блока. Андрей Белый. Иванов-Разумник. А. З. Штейнберг» увидела свет в январе 1922 г.⁹⁵

Полтора года спустя появилась книга Иванова-Разумника «Вершины», в которой были объединены его статьи о Блоке и Андрее Белом⁹⁶. В нее вошли статьи «Роза и Крест» (1913) и «Испытание в грозе и буре» (1918)⁹⁷, мемуарные очерки «Памяти Александра Блока» и «Надписи на книгах»⁹⁸. В статье о «Петербурге» Белого (1923), помещенной в сборнике, Иванов-Разумник попутно касается поэмы Блока «Возмездие», показывая ее связь с романом Белого в теме Петербурга как символа русской истории послепетровского времени и их общую связь с историческими концепциями Пушкина и Достоевского («Вершины», с. 105—106, 157—171). В предисловии к книге Иванов-Разумник утверждает, что Блок и Белый — это новые вершины в «горной цепи», образуемой именами крупнейших классиков русской литературы («Вершины», с. 10). Андрей Белый в письме к Иванову-Разумнику от 9 марта 1924 г., направленном по случаю 20-летия его литературной деятельности, признавался, имея в виду прежде всего статьи этой книги: «<...> в свете Вашего истолкования символизма мы с покойным Александром Александровичем Блоком, себя осознавшие в Ваших работах, явились к Вам, как исполнители своих же собственных тем, Вами так изумительно оркестрированных»⁹⁹.

Представление о «вершинности» символизма в русском литературном процессе XX в. Иванов-Разумник сохранил и в последующие годы. Показательно, что к новейшим явлениям русской литературы, начиная с акмеизма и футуризма и кончая молодой советской литературой начала 20-х годов, он отнесся в целом достаточно скептически. В подготовленном им коллективном сборнике статей «Современная литература» (в котором он, в частности, опубликовал посмертно по рукописи статью Блока «Без божества, без вдохновенья»)¹⁰⁰, Иванов-Разумник поместил статью «Взгляд и нечто. Орывок. (К столетию «Горя от ума»)», подписав ее ироническим «грибодовским» псевдонимом «Ипполит Удушьев». Ныне распространено представление о расцвете русской поэзии в начале XX столетия, как о ее «серебряном веке», в параллель «золотому», пушкинскому веку. В статье «Взгляд и нечто» Иванов-Разумник также использует эти определения.

но в ином смысле: символистская эпоха для него подлинный «золотой век», а «серебряный век» — литературная действительность начала 20-х годов, не давшая, с его точки зрения, принципиально новых открытий, лишь в самых лучших образцах развивающая и совершенствующая ранее достигнутое символистами и далекая от духовных взлетов крупнейших символистов — «ремесло в расцвете, горение духа — в загопе». В этом смысле Иванов-Разумник констатирует общее снижение уровня литературной волны 1890—1915 гг. и утверждает свою позицию: «< . . . > для меня подлинная литературная современность — не Пастернак, а Блок, не Эрэнбург, а Белый. С этими спутниками я не боюсь за будущее, за литературный путь; с ними я твердо знаю: пойду сегодня, приду завтра»¹⁰¹.

Деятельность Иванова-Разумника как исследователя творчества Блока началась сразу же после кончины поэта. На первых порах это была преимущественно работа по разборке архива, собиранию и изучению творческих рукописей, писем, воспоминаний, вообще всех документальных материалов, имеющих отношение к биографии и писательскому пути Блока и способствующих увековечению его памяти. В частности, в августе 1922 г., год спустя после смерти поэта, «Вольфила» при непосредственном участии Иванова-Разумника организовала цикл воскресных заседаний, посвященных памяти Блока.

В 1920-е годы Иванов-Разумник работает в основном как переводчик и литературовед¹⁰². Два основных направления в его историко-литературной деятельности — творчество Салтыкова-Щедрина (в 1926—1927 гг. он редактировал шеститомное собрание сочинений писателя, в 1929 г. выпустил книгу «Неизданный Щедрин», а в 1930 г. — первый том своей монографии «М. Е. Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество») и творчество Блока. «После смерти А. А. Блока, — вспоминает Иванов-Разумник, — десять лет собирал я материалы, связанные с его поэтическим творчеством, так что когда осенью 1930 года «Издательство Писателей в Ленинграде» предложило мне составить план полного собрания сочинений Блока и редактировать его — я охотно принял это предложение. В течение двух лет вышли первые семь томов, заключающие в себе все поэтическое наследство А. А. Блока; в течение 1933 года должны были выйти остальные пять томов, соединяющие в себе всю его прозу. Большую работу эту мог я выполнить в такой сравнительно короткий срок только потому, что все эти два года деятельно помогал мне в ней приятель мой Д. М. Пинес, прекрасный и тонкий знаток Блока, а кроме того, и исключительно сведущий библиограф. Все эти два года (1931—1932) он почти каждый день самоотверженно приезжал ко мне в Детское (бывшее — Царское) Село, где мы работали над хранившимися у меня всеми рукописями А. А. Блока»¹⁰³.

Собрание сочинений Блока в двенадцати томах, выпущенное «Издательством писателей в Ленинграде» в 1932—1936 гг. (заключено оно было в издательстве «Советский писатель»), по сей день остается наиболее полным собранием собственно творческих текстов поэта в их окончательной авторской редакции (дневники, записные книжки и письма в издание не были включены). Первые семь томов его (все поэтическое наследие Блока, театр и переводы) были подготовлены Ивановым-Разумником. Однако не все результаты его работы — «полтора года работы над Блоком (с утра до ночи напролет, без отдыха и без «выходных дней»)», по его собственному признанию¹⁰⁴, — оказались в них отражены: за пределами издания остался подробный текстологический и реальный комментарий Иванова-Разумника к стихотворениям и поэмам: Предполагалось сначала, что комментарии будут печататься в конце каждого тома, но затем издательство отказалось от этого. 14 мая 1932 г. Иванов-Разумник сообщил Ф. И. Витязеву: «В течение лета должна выйти будущая «Библиографическая редкость» — примечания к томам стихов Блока, собранные в один том (45 печ. листов); книга выйдет «на правах рукописи» в количестве 300-т экз.»¹⁰⁵. В более позднем письме к В. Д. Бонч-Бруевичу от 19 ноября 1932 г. Иванов-Разумник вновь сообщил: «< . . . > примечания эти < . . . >, по-видимому, выйдут в январе-феврале»¹⁰⁶. Однако и эта книга, доведенная в «Издательстве писателей в Ленинграде» до стадии верстки, не увидела света¹⁰⁷. Некоторое представление о работе Иванова-Разумника позволяет составить его текстологический комментарий к «Двенадцати», «Скифам» и «Возмездью», включенный в 5-й том собрания сочинений¹⁰⁸. В нем подробно рассмотрены черновики «Двенадцати» и «Скифов» и наброски и черновые редакции «Возмездия»; многочисленные стихотворные фрагменты были впервые напечатаны по рукописи. Ни в одном из последующих изданий Блока не было дано более полного и тщательного описания черновых автографов этих произведений (ср. III, 623).

В феврале 1933 г. работа Иванова-Разумника над собранием сочинений Блока была прервана. Последние пять томов вышли в свет под редакцией В. Н. Орлова. В последующие годы, омраченные тяжелыми жизненными лишениями, Иванов-Разумник не отказывался от мысли довести до печати плоды своего труда. В письме от 9 января 1934 г., направленном из Саратова А. Г. Горнфельду в ответ на его предложение подготовить какую-либо работу для издательской серии «Как работал. . .» (такой-то писатель), Иванов-Разумник говорил о двух возможных книгах — «Как работал Салтыков» и «Как работал Блок». «Вторая работа, — писал он, — для издательства и читателей тем интереснее, что в ней было бы несколько сот (если не тысяч — все зависит от размера книги) неизданных строк из черновики стихотворений Блока»¹⁰⁹. Более реальные перспективы издания своих исследований по Блоку открылись для Иванова-Разумника, когда он на договорных условиях стал выполнять (с сентября 1936 по сентябрь 1937 г., живя в Кашире под Москвой, а с сентября 1939 г. — попеременно в Загорске и в Пушкине — бывшем Царском Селе) задания Государственного литературного музея — разыскивать архивы русских литераторов, договариваться с владельцами о их передаче в музей, собирать и описывать обнаруженные материалы. Директор музея В. Д. Бонч-Бруевич, принимавший большое участие в судьбе Иванова-Разумника, содействовал и продвижению его книги о Блоке.

«Если бы Музей имел возможность издать эту книгу к августу 1941 года (двадцатилетие со дня смерти А. А. Блока), то теперь, за 1 1/2 года, было бы самое время сделать первые шаги для осуществления этой работы», — писал Иванов-Разумник Бонч-Бруевичу 12 марта 1940 г.¹¹⁰ К печальному юбилею 7 августа 1941 года следовало бы всячески приветствовать появление такой подводящей итоги книги, как «История стихотворений Александра Блока». Очень огорчительно для меня было бы, если б и этой книге пришлось ждать столетнего юбилея со дня рождения Блока», — прибавлял он в письме к нему же от 7 декабря 1940 г.¹¹¹ Бонч-Бруевич по мере сил поддерживал Иванова-Разумника в его хлопотах и способствовал изданию книги в серии «Летописи Гослитмузея». 30 июня 1940 г. он написал рецензию на работу Иванова-Разумника, в которой, в частности, говорилось: «Эта «История стихотворений А. Блока», несомненно, является весьма подробным расширенным комментарием и историей текстов Блока, по преимуществу стихотворений, помещенных во всех изданиях собраний сочинений Блока. Совершенно несомненно, что, будучи издано, это исследование принесет большую пользу в деле исследования рукописей Блока и их истории и особенно важно для будущего академического издания < . . . > К изданию эту работу, если виды на бумагу подымутся, надо включить на 1941 г., когда мы предполагали, ввиду юбилея Блока, несколько томов «Летописей», посвященных творчеству этого большого поэта»¹¹². В письме к Иванову-Разумнику от 20 февраля 1941 г. Бонч-Бруевич сообщал, что задержки в продвижении книги объясняются переключением основных издательских резервов на массовые издания: «< . . . > нет никакого смысла сейчас искать другие научные учреждения, которые могут будто бы издать такие работы, как ваша. Мне особенно было бы жаль думать иначе, так как я знаю, что ваше дело в ГЛМ на 9/10 уже устроено вполне благополучно»¹¹³.

Изданию «Истории стихотворений Александра Блока» помешала начавшаяся Великая Отечественная война. Сохранился текст этого исследования, сданный Ивановым-Разумником в мае 1940 г. в Гослитмузей: как сообщает автор в сопроводительной записке, — «единственный сохранившийся экземпляр набора 1931—1932 г. < . . . > весь материал этого исследования проверен и дополнен в 1939—1940 г.»¹¹⁴. В машинописном предисловии к книге Иванов-Разумник говорит, что ставил своей задачей заполнить пробел в изучении литературного наследия поэта в двух отношениях: «дать краткую историю изданий книг стихов Александра Блока и вместе с тем — подробную историю стихотворений, каждого в отдельности (пока еще не входя в историю текста их)»¹¹⁵. «Если иметь в виду, — пишет далее Иванов-Разумник, — что в этой истории стихотворений содержится много тысяч стихотворных строк А. Блока, не вошедших в канонический текст его томов, и что из этих почти 10 000 строк более половины и доселе еще остаются неопубликованными < . . . >, — то появление на свет всех этих историко-литературных материалов не нуждается в оправдании. < . . . > Автор настоящего исследования работал над архивом поэта с года его смерти (1921), но главным образом в 1930—1932 годах, когда весь архив этот был передан ему для работы на дом вдовой поэта, ныне покойной Любовью Дмитриевной Блок. Только благодаря такому ее содействию и исключительному вниманию могло

удаться в столь сравнительно малый срок выполнить такую большую по объему работу (свыше 40 печатных листов). Особенно надо подчеркнуть, что ряд ценных сообщений и указаний, известных одной лишь Л. Д. Блок, был сделан ею словесно и закреплен в этой истории стихотворений. Неизменное дружеское отношение Л. Д. Блок к автору настоящей книги и отзывчивое ее внимание много облегчили его работу над изучением истории стихотворений поэта. Подготавливая к печати настоящую «Историю стихотворений Александра Блока» через десять лет после ее написания, автор еще раз проверил весь материал по имеющимся у него источникам и дополнил свою работу ознакомлением с частными архивами, бывшими ему ранее либо неизвестными, либо недоступными. Впрочем таких дополнений оказалось очень немногим»¹¹⁶.

Основу «Истории стихотворений Александра Блока» составляет верстка комментариев Иванова-Разумника к первым пяти томам собрания сочинений. Работа начинается с обзора «Автобиографии А. А. Блока»: дается свод восьми автобиографий Блока и их характеристика¹¹⁷. В следующем разделе («История изданий тома I») подробно характеризуются пять изданий I-го тома собрания стихотворений Блока от «Стихов о Прекрасной Даме» до издания 1920 г.; третий раздел — «История стихотворений тома I»: подробный текстологический и реальный комментарий к каждому стихотворению. По такому же принципу построены комментарии ко II и III томам собрания стихотворений Блока и к тому стихотворений, не включенных Блоком в основное собрание. В приложении характеризуются детские сочинения Блока и рукописный журнал «Вестник» (статья «Детское и журнал «Вестник» Александра Блока» с приложением образов детских стихов и текстов из журнала). Верстка изобилует позднейшими рукописными вставками и исправлениями. По подробности описания рукописей Блока, общей текстологической оснащенности и богатству реального комментария работа Иванова-Разумника превосходит все последующие комментированные издания стихотворений Блока и в наибольшей степени приближается к комментарию академического типа. На сегодняшний день она нисколько не утратила своего значения. Думается, что опубликование «Истории стихотворений Александра Блока» явилось бы чрезвычайно важным подспорьем в деле дальнейшего изучения творчества Блока и прежде всего в подготовке академического полного собрания сочинений поэта.

Другая работа, подготовленная Ивановым-Разумником накануне войны и также не увидевшая света, — статья «Как Ал. Блок писал «Двенадцать»». В рецензии на нее, датированной 24 декабря 1940 г., В. Д. Бонч-Бруевич писал: «Небольшое, но полное фактов исследование Иванова-Разумника < . . . > дает совершенно новые данные, раскрывающие всю творческую историю этого одного из замечательных стихотворений Блока. Тонкий анализ, произведенный на основании бумаги, какую и после какой главу писал Блок, как он эти главы переставлял и, в конце концов, отобразил их в своей окончательной редакции, — очень любопытен, своеобразен и остроумен. Здесь точно определены также даты написания всей этой поэмы и отдельных ее глав. Так как Иванов-Разумник обладает подлинником поэмы «Двенадцать», на котором рукой Блока нанесены все его варианты и исправления и так как этот манускрипт Иванов-Разумник твердо решил передать в наш Гослитмузей, то я считаю необходимым эту рукопись принять для помещения в первом номере наших «Известий» < . . . >»¹¹⁸. Текст этой статьи Иванова-Разумника нами не обнаружен. В 1940 г. была опубликована статья Иванова-Разумника «Стихи А. Блока для детей»¹¹⁹. В ней анализируется зафиксированный в 9-й рукописной тетради стихотворений Блока план стихотворного раздела «Для детей», рассматриваются отношения Блока с В. А. Тернавцевым, составителем ряда детских изданий, и приводится их переписка.

Одним из незавершенных замыслов Иванова-Разумника 1920—1930 гг. были литературные воспоминания. Еще в сентябре 1926 г. он написал предисловие к будущей мемуарной книге «Четверть века», в котором поставил перед собой скромные задачи хроникера-протоколиста виденного и пережитого: «И пусть сухой рассказ этот стремится лишь к чистой фактичности, пусть закрепит как можно больше интересных лиц и ценных фактов из литературных событий первой четверти XX века, с которыми так или иначе был я связан»¹²⁰. Хорошо знавший цену историко-литературного документа, Иванов-Разумник предполагал иллюстрировать изложение материалами своего архива, прежде всего письмами к нему различных писателей. Архив был им изучен и систематизирован, отдельные рукописи аннотированы, часть материалов, в том числе письма Андрея Белого, он

сдал в Гослитмузей, готовился передать туда и другие рукописи¹²¹. Однако война нанесла архиву огромный урон.

Живший в 1941 г. в Пушкине, Иванов-Разумник оказался в зоне немецкой оккупации. С другими жителями города он был выслан в Гатчину, а затем, весной 1942 г. вместе с женой отправлен в лагерь для перемещенных лиц в Конице (под Данцигом), где провел более года¹²². Хотя Варвара Николаевна Иванова, урожденная Оттенберг, имела немецких предков и могла рассчитывать на определенные привилегии, жили они в самых тяжелых условиях. Летом 1943 г. Ивановым удалось выйти на свободу, и последние годы их жизни прошли в скитаниях по разрушающейся Германии. 18 марта 1946 г. В. Н. Иванова умерла в Рендсбурге¹²³; после этого Иванов-Разумник, с уже сильно надломленным здоровьем, перебрался к родственникам в Мюнхен, где и скончался 9 июня 1946 г.

Библиотека Иванова-Разумника в его квартире в Пушкине была разгромлена фашистами, архив остался без присмотра и постепенно уничтожался, рукописи использовались для отопления. После снятия блокады, в августе 1944 г., остатки архива были обнаружены Д. Е. Максимовым, который вспоминает о своем первом приезде в освобожденный Пушкин и посещении бывшего жилища Иванова-Разумника: «Оставив в стороне минные поля, мы, не без опасения, подошли к знакомому мне домику. Он был изуродован и необитаем. Стены и крыша его сохранились, но ни рам, ни дверей, ни пола не было. От скромной обжитой мебели, книжных шкафов и очень большой библиотеки Разумника Васильевича не осталось и следа. Все свидетельствовало о беспощадном и насильственном разорении. Оккупанты совершили свое черное дело . . . В домике Разумника Васильевича в пустой комнате, на голой земле, иначе говоря, на том месте, где должен был быть пол, лежала огромная бесформенная груда бумаг, набросанных в полном беспорядке, как на свалке, спутанных и запачканных. Я нагнулся, поднял первый попавшийся листок и увидел письмо, сразу приковавшее мое внимание, написанное стройным, упругим, свободно-любящимся, незабываемым почерком, который безошибочно предопределял подпись: Александр Блок. И эта подпись действительно на нем стояла. Я нагнулся еще раз: снова знакомый почерк, но совсем другой: нервный, неровный, со строчками, загибающимися книзу, — Андрей Белый, рукописные страницы «Петербурга». И еще взгляд, уже с колен, теперь уже полный волнения: протоколы Вольной философской ассоциации и рядом — гигантские россыпи машинописных копий писем Белого к Разумнику Васильевичу. И еще, и еще, много, много подобного»¹²⁴.

Сразу же после этого уцелевшие рукописи архива были переправлены в Пушкинский Дом. Среди других материалов уцелели отдельные листки составленной Ивановым-Разумником описи хранившихся в архиве писем к нему; они позволяют зримо представить тот урон, который понесло его ценнейшее собрание: из 8 писем Е. И. Замятина (1913—1928) уцелело одно, из 160 писем А. М. Ремизова (1908—1919) — ни одного, из 67 писем Ф. Сологуба (1912—1927) — пять, из 10 писем А. Н. Толстого (1912—1928) — ни одного, из 49 писем О. Д. Форш (1910—1930) — два, из 107 писем Л. Шестова (1908—1917) — четыре, из 25 писем В. Я. Шишкова (1913—1932) — ни одного, и т. д.¹²⁵ В сравнении с этими данными письма Блока сохранились в большей пропорции — 9 писем из 53-х (некоторые дошли в поврежденном виде). Листок с данными о письмах Блока в архиве не уцелел, но число их Иванов-Разумник назвал Д. Е. Максиму 28 января 1941 г. (Д. Е. Максимов записал после беседы с Ивановым-Разумником: «53 письма Блока, которые он при жизни не опубликует. Там есть неприятные»)¹²⁶.

9 писем Блока печатаются по автографам, сохранившимся в архиве Иванова-Разумника: письма от 14 февраля 1916 г. и от 19 июля 1919 г. — ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 234; письмо от 8 февраля 1919 г. — там же, ед. хр. 235; остальные шесть писем — там же, ед. хр. 233. Два письма Блока извлечены из журнала Комитета Литературного фонда.

Все письма Иванова-Разумника к Блоку, за исключением письма от 15 марта 1920 г., хранящегося среди писем Иванова-Разумника к Андрею Белому (ГБЛ, ф. 25, карт. 16, ед. хр. 66), и письма от 5 августа 1921 г., хранящегося в архиве Блока в ИРЛИ (ф. 654, оп. 1, ед. хр. 423), печатаются по автографам, хранящимся в архиве Блока в ЦГАЛИ (ф. 55, оп. 2, ед. хр. 35). Два письма Иванова-Разумника к Блоку (от 5 июля 1916 г. и от 24 сентября 1919 г.) не включены в настоящую публикацию — их содержание дублируется публикуемыми письмами (пп. 14 и 28).

Все письма публикуются впервые.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Сведения почерпнуты из автобиографий Иванова-Разумника 1913 г. (ИРЛИ, ф. 377, 2-е собрание автобиографий С. А. Венгерова, № 292) и 1941 г. (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 1).

² ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 77, л. 15.

³ Там же, л. 21 об.

⁴ Там же, л. 25 об.

⁵ И в а н о в - Р а з у м н и к. Юбилей (Очень удачное введение). — ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 148, л. 3—4.

⁶ В архиве Иванова-Разумника сохранилось несколько этих юношеских произведений: рассказ «Новое течение (Очерк из студенческой жизни)» (на рукописи — позднейшая помета: «Грех юности моя. . .» Лето 1900 года); подписан рассказ уже псевдонимом: Иванов-Разумник (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 83), несколько сказок и стихотворений в прозе (там же, ед. хр. 25, 26), два стихотворения 1902 г. (там же, ед. хр. 24).

⁷ Об этом Иванов-Разумник сообщает А. Н. Римскому-Корсакову в письме от 28 октября 1900 г., где перечисляет основные положения реферата (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 212).

⁸ Там же. Писатель и литературовед А. Л. Слонимский предполагал охарактеризовать доклад Иванова-Разумника в главе «Fin de siècle» своих «Воспоминаний о литераторах конца 19—начала 20 веков» (1945); «тезисы» этой главы: «Ощущение текущего времени. «Ловил время за хвост». Мистика чисел годов. < . . . » Не знаю, типично или нет — но на этой почве, как мне кажется, и возникло «декадентство». Доклад Разумника < Васильевича > 1901 (о смешении ощущений)» (ЦГАЛИ, ф. 2281, оп. 1, ед. хр. 47, л. 1; сообщено Р. Д. Тименчиком).

⁹ В том же письме к А. Н. Римскому-Корсакову от 31 октября 1901 г. Иванов-Разумник сообщал: «Я имею возможность напечатать этот реферат в марте месяце в студенческом сборнике, посвященном памяти Жданова; но до того хочу попытаться поместить его в одном из журналов; еще не знаю в котором. Только едва ли удастся: слишком уж я превозношу декадентство (особенно в пластических искусствах)».

¹⁰ ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 86, л. 20.

¹¹ Там же, л. 24—25.

¹² Там же, л. 54—55, 57.

¹³ Статья М. Г. Петровой «Эстетика позднего народничества» — единственная современная литературоведческая работа, специально характеризующая деятельность Иванова-Разумника — литературного критика (см.: «Литературно-эстетические концепции в России конца XIX—начала XX в.». М., 1975, с. 156—170).

¹⁴ См.: И в а н о в - Р а з у м н и к. Литература и общественность. СПб., «Прометей», 1912, с. 14.

¹⁵ О ходе своей работы над книгой «Индивидуализм в русской литературе XIX в.» Иванов-Разумник сообщал А. Н. Римскому-Корсакову в летних письмах 1902 г. (первоначально предполагались также главы об индивидуализме в живописи и музыке) (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 212).

Позднее Иванов-Разумник вспоминал о первых шагах своей литературной деятельности: «. . . мне посчастливилось познакомиться в Симферополе с владельцем прекрасной библиотеки по русской литературе 18-го и 19-го века. Я стал подбирать материал для давно уже задуманной книги, которую собирался озаглавить «История русской интеллигенции». Начал ее с конца этюдом «Отношение Максима Горького к современной культуре и интеллигенции». Проведя год в симферопольской ссылке, получил разрешение переехать в глухую деревню Владимирской губернии, в имение родителей моей невесты, ставшей в начале 1903 года моей женой. Там я вплотную принялся за книгу < . . . » Если бы не ссылка 1902 года, я, вероятно, не имел бы времени для такой обширной работы, продолжал бы интересоваться литературой, но вряд ли сошел бы со своего «физического» пути. . . »

¹⁶ Первоначально Иванов-Разумник предполагал назвать книгу «История русского сознания», окончательное заглавие было избрано по совету Лемке. «Крестным отцом» своей книги называл Иванов-Разумник Лемке в письме к нему от 22 ноября 1906 г. (ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 469).

¹⁷ И в а н о в - Р а з у м н и к. История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в., т. I. СПб., 1907, с. 10.

¹⁸ Там же, с. 15—17.

¹⁹ «Книга», 1906, № 2, с. 17—20.

²⁰ «Вестник Европы», 1907, № 3, с. 347—350. Подпись: Евг. Л.

²¹ «Исторический вестник», 1907, № 2, с. 694—696.

²² В о л ж с к и й. Новая книга о русской интеллигенции. — «Русская мысль», 1907, № 6, отд. II, с. 53.

²³ «Критическое обозрение», 1907, вып. 1, с. 41—42.

²⁴ В. К р а н и х ф е л ь д. Литературные отклики. Симптомы современных переживаний и настроений. — «Современный мир», 1908, № 2, отд. II, с. 36—39.

²⁵ «Современный мир», 1908, № 6, с. 112—138, № 7, с. 72—129. Вошла в кн.: Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XIV. М., 1925, с. 259—344; Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения в пяти томах, т. V. М., 1958, с. 528—608. Позднее с критикой книги Иванова-Разумника выступил А. В. Луначарский в статье «Мещанство и индивидуализм» (в кн.: «Очерки философии коллективизма». СПб., 1909, с. 219—350; вошла в кн.: А. В. Луначарский. Мещанство и индивидуализм. М.—Пг., 1923, с. 5—136). В ответ на эти выступления Иванов-Разумник опубликовал полемическую статью «Марксистская критика» (1909) (в кн.: Иванов-Разумник. Литература и общественность, с. 112—194).

²⁶ Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в. Т. II. СПб., 1907, с. 470—477.

²⁷ Иванов-Разумник. О смысле жизни. Федор Сологуб, Леонид Андреев, Лев Шестов. СПб., 1908, с. 279—280.

²⁸ Там же, с. 297—298.

²⁹ Иванов-Разумник. Литература и общественность, с. 3.

³⁰ Иванов-Разумник. Об интеллигенции. СПб., 1910, с. 193, 196.

³¹ Там же, с. 211, 213.

³² «Русские ведомости», 1909, № 1, 1 января.

³³ Иванов-Разумник. Заветное. О культурной традиции. Статьи 1912—1913 гг. Пб., «Эпоха», 1922, с. 28. Ср. замечание Иванова-Разумника о Блоке как «бывшем ученике» Мережковского в статье о последнем «Мертвое мастерство» (1911) (Иванов-Разумник. Творчество и критика. Статьи критические. 1908—1922. Пб., «Колос», 1922, с. 134).

³⁴ ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 100, л. 6.

³⁵ ЛН, т. 89, с. 289.

³⁶ А. М. Ремизов. «Сирия». Дневниковая тетрадь. — ИРЛИ, ф. 256 (архив А. М. Ремизова), л. 5, 7. Ср.: С. С. Гречишкин. Архив А. М. Ремизова. — В кн.: «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год». Л., 1977, с. 28.

³⁷ А. М. Ремизов. «Сирия». Дневниковая тетрадь, л. 13.

³⁸ Там же, л. 18. Ср. дневниковую запись Блока от 20 октября 1912 г. (VII, 167).

³⁹ А. М. Ремизов. «Сирия». Дневниковая тетрадь, л. 32. Ср. дневниковую запись Блока в этот день (VII, 180).

⁴⁰ М. А. Бекетова. Александр Блок. Биографический очерк. Пб., «Алконост», 1922, с. 180—181.

⁴¹ Иванов-Разумник. Вершины. Александр Блок. Андрей Белый. Пг., «Колос», 1923, с. 235. Далее ссылки на эту книгу даются в тексте сокращенно («Вершины») с указанием номера страницы.

⁴² Напечатана впервые в журнале «Заветы» (1913, № 10, отд. II, с. 114—125). 3 февраля 1913 г. Иванов-Разумник присутствовал на чтении Блоком у себя дома драмы «Роза и Крест», 5 февраля он обсуждал с Блоком драму в редакции «Сирина» (VII, 214—215). В 1916 г. Иванов-Разумник предполагал издать статью о «Розе и Кресте» отдельной брошюрой (см. его письмо к М. К. Лемке от 26 июля 1916 г. — ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 473).

⁴³ «Заветы», 1913, № 9, отд. II, с. 182—186. Статья вошла в кн.: Иванов-Разумник. Творчество и критика, с. 178—182.

⁴⁴ Убеждение в «теснейшей связи» «Стихов о Прекрасной Даме» и «Двенадцати» стало впоследствии одним из основополагающих представлений Иванова-Разумника о творчестве Блока. 16 июня 1941 г. он писал в связи с этим Л. Л. Слонимской: «Не пора ли жителям тихого домика (т. е. поклонникам «Стихов о Прекрасной Даме». — А. Л.) понять это хоть теперь, когда скоро минет двадцать лет со дня смерти поэта. А то скромный «тихий домик» часто обращается в гордую «башню из слоновой кости», которая ничем не лучше тюрьмы. Жить без «социальных интересов» — значит добровольно суживать круг своей жизни; это делали только великие люди второго сорта (имена же их многи суть), а все подлинно великие всегда жили всеми сторонами жизни» (ЦГАЛИ, ф. 2281, оп. 1, ед. хр. 409).

⁴⁵ В комментарии к этой записи (ЗК, 561) дана неправильная отсылка к статье Иванова-Разумника «Роза и Крест».

⁴⁶ «Заветы», 1914, № 3, отд. II, с. 105, 110.

⁴⁷ План был послан Ивановым-Разумником в письме к М. К. Лемке от 26 июля 1916 г. (ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 473). Более ранняя редакция этого плана сохранилась не полностью (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 70). Над книгой «Критическая история современной литературы» Иванов-Разумник вплотную работал в предреволюционные годы, но так и не довел своего замысла до конца. 16 июня 1916 г. Иванов-Разумник сообщал Лемке: «Мое наследство — «Критическая история современной литературы». Вчера бросил в печку шесть глав и сел писать с начала. Надо сделать то же еще с главами шестью. Все результаты работы срыву да сбросу. Посылая ему же 26 июля «оглавление» книги, Иванов-Разумник писал: «Насчет реализации ее осенью — все больше и больше прихожу в сомнение <...> сколько мне с ней еще работ! Иной раз думаю — месяца на три, иной раз думаю — года на два!» 25 сентября 1916 г. он извещал Лемке: «<...> на окончание надо не меньше полугода, — и если их не будет, то надо все бросить в печку» (ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 473).

⁴⁸ Постоянные высокие оценки, которые давал Иванов-Разумник творчеству Горького, характеризуются в статье М. Г. Петровой «Эстетика позднего народничества» («Литературно-эстетические концепции в России конца XIX—начала XX в.», с. 162—163). Горький, однако, критически относился к неонародническим взглядам Иванова-Разумника (см. предисловие Б. Н. Капелюш к публикации писем Ю. К. Балтрушайтиса — в кн.: «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год». Л., 1979, с. 160—161).

⁴⁹ Иванов-Разумник. Заветное, с. 47—48.

⁵⁰ Ср. отрицательное отношение Блока к Белинскому, высказанное им в статьях «Судьба Аполлона Григорьева» (V, 488—490) и «Что надо запомнить об Аполлоне Григорьеве» (VI, 27—28). Одну из своих книг (Соч., т. 5. Пушкин и Белинский. Статьи историко-литературные. Пг., 1916) Иванов-Разумник подарил Блоку с надписью: «Дорогому Александру Александровичу Блоку другу Пушкина и врагу Белинского от Р. Иванова. Январь 1916 г.» (хранится в библиотеке Блока в ИРЛИ, шифр: 94 5/90).

⁵¹ Иванов-Разумник. Великие искания. СПб., «Прометей», 1912, с. 35.

⁵² Иванов-Разумник. Русская литература XX века (1890—1915 гг.). Пг., «Колос», 1920, с. 27—31.

⁵³ С. П. Постников. Андрей Белый, писатель и человек. — ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 6, ед. хр. 41.

⁵⁴ Письмо к А. Г. Горьфельду от 8 мая 1934 г. — ЦГАЛИ, ф. 155, оп. 1, ед. хр. 321. О попытках издать «Петербург» (еще в первоначальной редакции) в 1911—1912 гг. см.: Л. К. Долополов. Андрей Белый в работе над «Петербургом» (Эпизод из истории создания романа). — «Русская литература», 1972, № 1, с. 163—166. Первоначально Иванов-Разумник отнесся к перспективе печатания романа Белого в «Сирине», судя по дневниковой записи Блока от 16 февраля 1913 г. («дурное отношение к А. Белому Иванова-Разумника» — VII, 220), по крайней мере настороженно. Предложение передать еще незаконченный тогда «Петербург» «Сирию» Блок направил Белому в Германию 15 ноября 1912 г. (VIII, 406—407; ср.: Н. А. Фрумкина, Л. С. Флейшман. А. А. Блок между «Мусagetом» и «Сирином» (Письма к Э. К. Метнеру). — В кн.: «Блоковский сб.», 2, с. 388, 391—393). Получив положительный ответ Белого, Блок взял на себя и дальнейшее посредничество между ним и «Сирином» — в частности, организовал встречу Белого и Терещенко в Берлине (см. письма Блока к Белому от 7/20 декабря и от 15/28 декабря 1912 г., опубликованные Н. Примочкиной. — «Вопросы литературы», 1978, № 10, с. 314—315). Блок установил посредничество и между Терещенко и Э. К. Метнером, главой издательства «Мусaget», в котором Белый печатал тогда все свои книги (см. неизданные письма Блока к Э. К. Метнеру от 13 ноября и от 13 декабря 1912 г. — ГБЛ, ф. 167, карт. 13, ед. хр. 17). В этих переговорах уже принял участие Иванов-Разумник (см. его письмо к Э. К. Метнеру от 1 февраля 1913 г. — ГБЛ, ф. 167, карт. 14, ед. хр. 11). 14/27 февраля 1913 г. Белый сообщил А. С. Петровскому из Берлина: «выпала <...> неделя у Терещенки <...> зависим от переговоров с «Сирином»: либо папы, либо пропали» (ЦГАЛИ, ф. 391, оп. 1, ед. хр. 52, л. 24 об.). О решении Терещенко принять роман к опубликованию Блок известил Белого телеграммой от 25 февраля 1913 г. («Александр Блок. Переписка». Аннотированный каталог. Вып. 1. Письма Александра Блока. М., 1975, с. 58). В своем ответе на анкету о лучших литературных произведениях 1913 года, предназначавшемся для газеты «День», Блок назвал роман Белого (V, 677). Приводим первоначальный вариант этого ответа, высланный в редакцию газеты П. Е. Щеголеву: «19 XII 1913. Самыми важными литературными явлениями этого года я считаю: роман Андрея Белого «Петербург» и роман Бернгарда Келлермана «Туннель». Первое из этих произведений говорит о судьбах России, исходя из ее ближайшего прошлого; второе — о судьбах Европы и Америки, исходя из их ближайшего будущего. Оба произведения, как бы, взаимно враждебны: у авторов, принадлежащих к разным расам, нет ни одного общего приема, ни одной общей точки зрения: и, однако, оба произведения, не лишенные крупных недостатков (особенно первое), связаны друг с другом присутствием в обоих некоторого научного элемента, а главное, тем, что оба отмечены печатью исключительной значительности и рисуют нам величие нашего времени. Александр Блок» (ИМЛИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 32).

⁵⁵ «Письма Александра Блока», с. 203.

⁵⁶ См., например, письма Блока к матери от 17 мая и 8 сентября 1914 г. («Письма к родным», II, с. 253—259).

⁵⁷ ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 473.

⁵⁸ «Скифы», сб. 1. Пг., 1917, с. 299, 303.

⁵⁹ ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 296.

⁶⁰ «Заветы», 1912, № 6, сентябрь, отд. II, с. 46—68. Впоследствии Иванов-Разумник предполагал перепечатать ее под заглавием «Скиф в Европе» (беловая машинопись статьи — ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 123). Статья должна была войти и в неосуществленный сборник избранных статей Иванова-Разумника, комплектовавшийся им в середине 1920-х годов (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 85, л. 4—4 об.).

⁶¹ ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 296.

⁶² Эту цитату из Герцена Иванов-Разумник взял эпиграфом к своей статье о нем «Скиф сороковых годов» (1920) (Иванов-Разумник. А. И. Герцен. 1870—1920. Пг., «Колос», 1920, с. 5).

⁶³ «Заветы», 1912, № 6, отд. II, с. 67.

⁶⁴ Сведения об этом принадлежат Д. М. Пинесу — литературоведу и библиографу, близко общавшемуся с Ивановым-Разумником в 1920-е годы (см.: И. Ф. М а с а н о в. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей, т. 3, М., 1958, с. 117).

⁶⁵ «Скифы», сб. 1, с. XI. 2-я глава введения к «Скифам» легла в основу предисловия Иванова-Разумника к его незаданной книге «Скифское. Статьи о духовном максимализме» (в двух частях: I. Иго войны. Статьи 1914—1917 г. II. Две России. Статьи 1917—1918 г.), написанного в июне 1917 г. (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 124). Книга готовилась к печати в 1922 г. в петроградском издательстве «Эпоха». См. также: Stefani Hoffman, Scythian Theory and Literature, 1917—1924. — «Art, Society, Revolution. Russia. 1917—1921». Stockholm, 1979, p. 133—164.

⁶⁶ И в а н о в - Р а з у м н и к. Год революции. Статьи 1917 года. СПб., «Революционный социализм», 1918, с. VII. В библиотеке Блока хранится эта книга с надписью: «Александр Александрович Блоку с любовью Р. Иванов. IV/1918. СПб.» (шифр: 94 5/91).

⁶⁷ ГБЛ, ф. 25, карт. 16, ед. хр. 6а.

⁶⁸ И в а н о в - Р а з у м н и к. Год революции, с. 64.

⁶⁹ Согласно признанию Есенина в передаче И. Н. Розанова, поэт в 1915—1917 гг. «в общем развитии более всего <...> обязан был Иванову-Разумнику» (Ив. Р о з а н о в. Есенин о себе и других. М., 1926, с. 16). Причисляя себя к «скифам» (в письме к А. В. Ширяевцу от 24 июня 1917 г.), Есенин вместе с тем дает высокую оценку Иванову-Разумнику (Сергей Есенин. Собр. соч. в 5 томах, т. 5, М., 1968, с. 75).

⁷⁰ «Скифы», сб. 2. «Пг.», 1918, с. 230—231. Ср. свидетельства Е. Г. Лундберга, относящиеся к январю 1918 г., о роли Иванова-Разумника в оформлении «скифского» объединения: «Вечерами у Иванова-Разумника литература не только подается, она творится — особенно долгими ночами, когда один из гостей остается с глазу на глаз с хозяином» (Е. Лундберг. Записки писателя. 1917—1920. Берлин, «Огоньки», 1922, с. 117).

⁷¹ ГБЛ, ф. 25, карт. 16, ед. хр. 6б.

⁷² Там же, ед. хр. 6а.

⁷³ Там же, ед. хр. 6б.

⁷⁴ ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 194.

⁷⁵ Ср. запись Блока от 16 января 1918 г.: «Телефон от Разумника Иванова (моя статья, которой редакция придает исключительное значение)» (ЗК, 384; редакция — «Знамя труда»).

⁷⁶ М. А. Б е к е т о в а. Александр Блок, с. 259.

⁷⁷ Опубликовано в полном объеме в кн.: «Памяти Александра Блока. Андрей Белый. Иванов-Разумник. А. З. Штейнберг». Пб., 1922, с. 30—32; с сокращениями — в кн.: Александр Блок. Собр. соч., т. 5, Л., 1933, с. 132—134; III, 474—475.

⁷⁸ ЛН, т. 80, с. 260.

⁷⁹ Вл. О р л о в. Поэма Александра Блока «Двенадцать». Страница из истории советской литературы. М., 1962, с. 96.

⁸⁰ Эта проблема имела для Иванова-Разумника более широкое значение, чем разбор литературных источников «Скифов». В начале 1920-х годов он приступил к работе над книгой «Россия и Европа» (в 1923 г. она анонсировалась как готовящаяся к печати в издательстве «Колос»). Первоначально эту работу Иванов-Разумник называет (в письме к заведующему издательством «Колос» Ф. И. Витязеву (Седенко) от 5 января 1922 г.) «Вл. Соловьев и социализм», затем (в письме к нему же от 11 сентября 1922 г.) — «Россия, Европа и социализм». 26 сентября 1922 г. Иванов-Разумник сообщил Витязеву: ««Россию и Европу» в пятый раз переделываю (стенограммы), переписываю, сжимаю. Будет 5—6 листов <...>». 22 февраля 1923 г. он писал ему же: «Если болезнь позволит, то за это время окончательно обработаю «Россию и Европу»; оно и к лучшему, так как я до сих пор недоулен целым рядом мест, которые считаю для себя ответственными» (ЦГАЛИ, ф. 106, оп. 1, ед. хр. 64). Книга в свет не вышла.

⁸¹ Д. М а к с и м о в. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1975, с. 457.

⁸² Примечания к дневникам Блока (VII, 455).

⁸³ Ср. статью Иванова-Разумника «Блок и революция» («Знамя», 1921, № 10).

⁸⁴ Ср. запись Блока от 25 декабря 1919 г.: «Писал о Герцене; настроил для Иванова-Разумника» (ЗК, 484). Беловая рукопись статьи «Герцен и Гейне» сохранилась в архиве Иванова-Разумника (ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 12).

⁸⁵ Устав Вольной философской ассоциации. — ИРЛИ, ф. 79, оп. 5, ед. хр. 12, л. 3.

⁸⁶ См.: Александр Блок, Иванов-Разумник, А. Штейнберг, Константин Эрбергер. Объяснительная записка к проекту положения о «Вольной философской академии». — «Временник Театрального отдела Народного комиссариата по просвещению», 1918, вып. 1, ноябрь, с. 12.

⁸⁷ Сведения из письма Иванова-Разумника к Андрею Белому от 16 января 1919 г. — ГБЛ, ф. 25, карт. 16, ед. хр. 6б.

⁸⁸ 4 января 1919 г. Блок записал: «Разговор с Р. В. Ивановым: уйти от председательствования в Вольной философской академии, которая откроется «Натилиной»» (ЗК, 444). 22 января 1920 г. на заседании совета «Вольфилы» вновь поднимался этот вопрос: было намечено, в случае отъезда Андрея Белого за границу, пригласить на место председателя Блока (ИРЛИ, ф. 79, оп. 5, ед. хр. 13, л. 4).

⁸⁹ «Вольная философская ассоциация». — «Книга и революция», 1920, № 2, август, с. 91 (Без подписи).

⁹⁰ ИРЛИ, ф. 79, оп. 5, ед. хр. 8, л. 2, 10, 11, 6.

⁹¹ Афиша этого вечера воспроизводится в кн.: С. А л я н с к и й. Встречи с Александром Блоком. М., 1969, с. 112. О чтении Л. Д. Блок «Двенадцати» в «Вольфиле» в присутствии Блока см.: Н. И. Г а г е н - Т о р н. Воспоминания об Александре Блоке. — В кн.: «Блоковский сб.», 2, с. 445—446.

⁹² См. протокольную запись заседания, составленную Н. М. Мering (ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 26). На заседании совета «Вольфила» 20 июня 1920 г. среди очередных был назначен доклад Блока «Молнии искусства» (ИРЛИ, ф. 79, оп. 5, ед. хр. 13, л. 10), но он не состоялся.

⁹³ М. А. Бекетова. Александр Блок, с. 274.

⁹⁴ Отметим в связи с этими и другими многочисленными свидетельствами, что совершенно не подтверждаются реальным положением вещей утверждения о том, что, якобы, Иванов-Разумник и другие «вольфиляцы» злонамеренно стремились отвлечь Блока от актуальных проблем действительности, «подстерегали нарастающую усталость поэта и усиливали в нем то болезненное раздражение, которое было симптомом уже начавшейся тяжелой болезни» и т. д. (см.: Н. В е н г р о в. А. Блок и М. Горький. — В кн.: «Горьковские чтения. 1953—1957». М., 1959, с. 257—258; Н. В е н г р о в. Путь Александра Блока. М., 1963, с. 404—405).

⁹⁵ О выходе пробного экземпляра книги Иванов-Разумник извещал Ф. И. Витязева 3 января 1922 г. (ЦГАЛИ, ф. 106, оп. 1, ед. хр. 64).

⁹⁶ Первоначальное название книги — «Вершины символизма» (его Иванов-Разумник сообщал Ф. И. Витязеву в письме от 28 апреля 1923 г. — ЦГАЛИ, ф. 106, оп. 1, ед. хр. 64). В менее полном объеме вошедшие в нее статьи были собраны ранее в кн.: И в а н о в - Р а з у м н и к. Александр Блок. Андрей Белый. Пб., «Алконост», 1919. Она имеется в библиотеке Блока с надписью: «Дорогому Александру Александровичу Блоку с благодарностью и любовью. Разумник Иванов. XI/1919, СПб.» (шифр: 94 5/92).

⁹⁷ Эта работа была выпущена в свет также отдельной брошюрой: И в а н о в - Р а з у м н и к. Испытание в грозе и буре. Берлин, «Скифы», 1922.

⁹⁸ Всего у Иванова-Разумника было около двух десятков книг с дарственными надписями Блока («Вершины», с. 234). См. также кн. 3 наст. тома.

⁹⁹ ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 15.

¹⁰⁰ На титульном листе книги Иванов-Разумник как редактор не обозначен. О своем редакторстве он сообщает в письме к П. Н. Сакулину от 23 апреля 1925 г., высылая только что вышедший сборник (ЦГАЛИ, ф. 444, оп. 1, ед. хр. 364).

¹⁰¹ «Современная литература», Л., «Мысль», 1925, с. 164, 181.

¹⁰² В переводах Иванова-Разумника вышли книги Пьера Амиа «Песнь песней» (1925), «Рельсы» (1925), книга Франсиса Карко «Банда» (1926), «Власть лжи» Иогана Бойера (1927). Под псевдонимом «Вл. Холмский» он издал переведенную им «размером подлинника» комедию Аристофана «Богатство» («Плутос») (Л., «Колос», 1924). Позднее по поводу двухтомного собрания комедий Аристофана в переводе Адр. Пиотровского он опубликовал (под псевдонимом «Р. Новосельский») статью «О переводах вообще и о переводе Аристофана в частности» («Литературный критик», 1936, № 8, с. 170—185). Под редакцией и с примечаниями Иванова-Разумника вышли в свет книги: И. И. П а н а е в. Литературные воспоминания. Л., «Academia», 1928; Николай Щ е р б и н а. Альбом ипохондрика. Эпиграммы и сатиры. Л., «Прибой», 1929 (со статьей Иванова-Разумника «Н. Ф. Щербина и его «Альбом ипохондрика»); Аполлон Григорьев. Воспоминания. М.—Л., «Academia», 1930 (со статьей Иванова-Разумника «Аполлон Григорьев» — с. 591—672); Н. И. Г р е ч. Записки о моей жизни. М.—Л., «Academia», 1930 (совместно с Д. М. Пинесом; со статьей Иванова-Разумника «Н. И. Греч и его «Записки» — с. 9—32).

¹⁰³ И в а н о в - Р а з у м н и к. Юбилей (очень удачное введение), л. 5—5 об. 22 октября 1930 г. Иванов-Разумник сообщил С. М. Алянскому: «Вчера взял у Любови Дмитриевны чемодан рукописей Блока» (ИРЛИ, ф. 519, ед. хр. 408).

¹⁰⁴ Из письма к Ф. И. Витязеву от 14 мая 1932 г. — ЦГАЛИ, ф. 106, оп. 1, ед. хр. 64.

¹⁰⁵ Там же. В связи с отказом «Издательства писателей в Ленинграде» печатать тома собрания сочинений Блока с примечаниями Иванов-Разумник направил 25 марта 1932 г. заведующему редакцией издательства С. М. Алянскому письмо с просьбой обеспечить «закрепление постановления Издательства о напечатании Примечаний к тт. I—V отдельной книгой в 100 экз. «на правах рукописи», а также сообщил о работе над еще не сданными томами: «... над версткой IV-го и гранками V-го томов работа продолжается и заканчивается; т. VI-ой (кроме приложений) сдан издательству; тт. VII—IX готовы к сдаче в любое время; тт. X—XII обработаны более чем наполовину» (ИРЛИ, ф. 519, ед. хр. 408).

¹⁰⁶ ГБЛ, ф. 369, карт. 275, ед. хр. 9. В этом же письме он предлагал Бонч-Бруевичу для альманаха «Звенья» статью «Из черновиков стихотворений А. А. Блока». В письме от 31 января 1933 г. Иванов-Разумник обещал Бонч-Бруевичу выслать эту статью в ближайшее время (Там же). Подготовить ее он, видимо, не успел.

¹⁰⁷ В архиве Иванова-Разумника сохранились разрозненные листы машинописи, формы гранок и отдельные страницы верстки его комментариев к стихотворениям и поэмам

Блока — к томам 1—5 собрания сочинений (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 160—173). Иванов-Разумник сообщает (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 8), что десять экземпляров первого тома собрания сочинений Блока были отпечатаны «с приложением истории заключающихся в нем стихотворений».

¹⁰⁸ Александр Блок. Собрание сочинений, т. 5. Поэмы 1911—1921. Издательство Писателей в Ленинграде, 1933, с. 111—219.

¹⁰⁹ ЦГАЛИ, ф. 155, оп. 1, ед. хр. 321.

¹¹⁰ ГБЛ, ф. 369, карт. 275, ед. хр. 9.

¹¹¹ Там же.

¹¹² ГБЛ, ф. 369, карт. 56, ед. хр. 5.

¹¹³ ГБЛ, ф. 369, карт. 151, ед. хр. 12.

¹¹⁴ ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 2, л. 1—2.

¹¹⁵ Там же, л. 8.

¹¹⁶ Там же, л. 9—10.

¹¹⁷ Машинопись этой работы сохранилась в архиве Иванова-Разумника (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 28).

¹¹⁸ ГБЛ, ф. 369, карт. 56, ед. хр. 6.

¹¹⁹ «Детская литература», 1940, № 11-12, с. 78—82. Статья подписана псевдонимом: Р. Корсаков. В архиве Иванова-Разумника хранятся две рукописные редакции этой статьи (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 130).

¹²⁰ ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 145, л. 4 об.

¹²¹ В связи с намерением Иванова-Разумника работать над мемуарами В. Д. Бонч-Бруевич писал ему 29 июля 1935 г.: «Я предлагал Вам продать нам Ваш архив, с тем, что все документы, которые Вам нужны для написания Ваших записок, мы снимем Вам в копиях и тотчас же вышлем их. Это было бы некоторой подмогой при написании этого Вашего труда» (ГБЛ, ф. 369, карт. 151, ед. хр. 12).

¹²² Сообщил А. Ю. Вейс со слов своей сестры Евгении Юльевны Вейс, жившей в этом лагере в соседнем бараке с Ивановым-Разумником. В архиве Е. А. Ляпкого сохранилось письмо Иванова-Разумника, отправленное из Коница 7 мая 1942 г. (ИРЛИ, ф. 163, оп. 2, ед. хр. 211).

¹²³ В последнем из известных нам писем (Мюнхен, 8 мая 1946 г.) Иванов-Разумник сообщал Б. К. Зайцеву о смерти жены и своем полном одиночестве: «Где, как и чем жить дальше — ума не приложу <...> Много тяжелого суждено было нашему поколению <...> и до сих пор конца края не видать» (ИРЛИ, р. 1, оп. 10, ед. хр. 127).

¹²⁴ Д. Е. Максимов. О том, как был спасен архив Иванова-Разумника. — ИРЛИ, поступление 1980 г., № 7.

¹²⁵ «Опись архива. Письма к Р. В. Иванову. 1901—1939». — ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 88.

¹²⁶ Сообщено Д. Е. Максимовым.

1. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

1 июня 1913 г. «Петербург»

Дорогой Александр Александрович,

пошлю Вам, по просьбе Михаила Ивановича ¹, эту тетрадку стихов. Я уже месяца полтора перечитываю многие из них. Читал их Белому и Брюсову; оба довольны, а последний охотно написал бы предисловие к этому сборнику ². Загляните как-нибудь в Сирин — скажите свое мнение.

Ваш Р. Иванов

Письмо написано на бланке издательства «Сирин»

¹ М. И. Терещенко (1886—1958; по другим данным год рождения — 1888) — капиталист, сахарозаводчик, глава издательства «Сирин».

² На письмо — помета Блока: «Это — стихи М. Моравской». Мария Людвиговна Моравская (1889—1947) — поэтесса. Была знакома с Блоком (в архиве поэта сохранилось ее письмо от 1 ноября 1914 г. — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 47). 29 мая 1913 г. Иванов-Разумник сообщил жене, В. Н. Ивановой: «Я очень увлекся стихами Моравской, больше, чем Игорем Северяниным; прочел их Брюсову и убедил его написать к сборнику этих стихов предисловие» (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 198). Ср. его письмо к Ф. Сологубу от 31 мая 1913 г.: «<...> я печатаю серию стихов одного малоизвестного поэта, — его стихами за последнее время я сильно увлекаюсь. Интересно будет знать Ваше впечатление. Стихи эти я уже читал и Белому, и Брюсову, когда они на днях были проездом в Петербурге; оба — обрадованы, а Вал «ерий» Яковл «евич» согласился даже написать предисловие к сборнику этих стихов» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 296). Сборник М. Моравской «На пристани. Стихи» (Пб., типография М. М. Стасюлевича, 1914) вышел в свет, однако, без предисловия Брюсова (в архиве Брюсова сохранился его рукописный набросок —

ГБЛ, ф. 386, карт. 37, ед. хр. 5, л. 27). Иванов-Разумник предварительно опубликовал два цикла стихотворений Моравской («Немного жалости» — «Заветы», 1913, № 6, отд. I, с. 5—12; «На пристани» — там же, 1913, № 10, отд. I, с. 5—12) и охарактеризовал ее творчество в статье «Поэзия М. Моравской». Подчеркивая в ней своеобразие и подлинность дарования поэтессы («Она нашла свой ритм, свой размер, свою форму, тесно связанную с внутренним строением своей поэзии, со своими переживаниями»; «поэзия М. Моравской имеет свое лицо, свой «запах души», свою индивидуальность»), Иванов-Разумник отметил, что «М. Моравская продолжает пути А. Блока, но, продолжая эти пути, она идет по собственной тропинке» («Заветы», 1913, № 10, отд. II, с. 170—175). Получив от Иванова-Разумника тетрадь со стихотворениями Моравской, Блок познакомил с ними свою мать, А. А. Кублицкую-Пиотгух, написавшую на них в начале июня 1913 г. рукописную рецензию (опубликована в кн.: М. А. Б е к е т о в а. Ал. Блок и его мать. Воспоминания и заметки. Л.—М., «Петроград», 1925, с. 170—171). Подробнее см.: «Письма А. А. Ахматовой к В. Я. Брюсову». — «Cahiers du Monde russe et soviétique», vol. XV, 1974, N 1—2, p. 186.

2. БЛОК — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

6 XII 1915. «Петроград»

Дорогой Разумник Васильевич.

Получили ли Вы уже письмо от Бориса Николаевича Бугаева? Я узнал, что он находится в исключительно тяжелом положении, дожидает последние деньги. Не могли ли бы Вы обратиться к Литературному Фонду и указать ему на бедственное положение Андрея Белого¹. Судя по письму его, нужда так велика, что нужна порядочная сумма; если бы можно было попросить 500 рублей? Конечно, такие деньги помогли бы делу, и мы могли бы иметь время на то, чтобы помочь ему устроить его литературные дела².

Искренно Вас уважающий Александр Б л о к

Письмо хранится в журнале Комитета Литературного фонда, 1916, № 4, л. 42—43 (ИРЛИ, ф. 155).

¹ О тяжелом материальном положении Белого Блок мог узнать от Ф. Сологуба, которого тот извещал в письме, отправленном из Швейцарии в ноябре 1915 г.: «... материально я могу прожить лишь 1½ месяца; и далее оказаться без гроша в чужой стране и в очень трудных и сложных жизненных условиях <...> может быть, Вы замолвите слово обо мне кому-нибудь» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 98). В письме к Иванову-Разумнику, отправленном из Дорнаха (Швейцария) 20 ноября н. ст. 1915 г., Белый сообщал: «<...> прошу Вас при случае замолвить обо мне слово где угодно и как угодно, ибо действительно: *выхода никакого*; проживаю последние гроши и достать *очень* трудно, *очень* сложно: почти невозможно; когда Вы получите это письмо, положение мое будет хуже губернаторского: нас могут выселить из квартиры <...>» (ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 6).

² В протоколе заседания Комитета общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым («Литературного фонда») от 7 декабря 1915 г., состоявшегося под председательством Ф. Д. Батюшкова и при участии Иванова-Разумника (секретаря), записано: «Письмо А. А. Блока к Р. В. Иванову о крайне тяжелом материальном положении *Б. Н. Бугаева (Андрей Белый)*, дополнительное сообщение Р. В. Иванова-Разумника. — Выдать в беспроцентную ссуду 350 р.» (ИРЛИ, ф. 155, 1916, № 4, л. 2 об.). 8 декабря Блок записал: «Боре Бугаеву Литературный фонд ассигновал 350 руб. (записка от Пешехонова)» (ЗК, 280; А. В. Пешехонов участвовал в заседании). В этот же день Иванов-Разумник обедал у Блока (ЗК, 279).

3. БЛОК — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

26 декабря 1915. Офицерская 57, кв. 21

Дорогой Разумник Васильевич.

Я совсем было забыл о нашем разговоре за разными делами «а?» на праздниках — вспомнил?». Писали ли Вы Пелагеке Ивановне¹, или раздумал «и» «?» Попробовать бы; а «то Белый?» — скоро «снова?» окажется в «т» тяжелом положении².

Искренно Вас уважающий Ал. Б л о к

Письмо сохранилось в дефектном состоянии. Текст реконструируется предположительно.

¹ Пелагея Ивановна *Терещенко* — одна из сестер М. И. Терещенко, участвовавшая в организации и работе издательства «Сирин».

² 26 декабря 1915 г. Блок записал: «Письмо об Андрее Белом Р. В. Иванову» (ЗК, 281). Цель ходатайства заключалась в том, чтобы получить от Терещенко разрешение на отдельное издание романа Андрея Белого «Петербург», которое Иванов-Разумник предполагал осуществить в типографии М. М. Стасюлевича (ее управляющим был историк русской общественной мысли, журналистики и цензуры Михаил Константинович *Лемже* (1872—1923), с которым Иванов-Разумник состоял в многолетних деловых и дружеских отношениях).

4. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

28 дек<абря> 1915. Царское Село. Колпинская, 20

Дорогой Александр Александрович,

письмо написал недавно, ответа жду; молчание будет, конечно, знаком несогласия ¹.

Поздравляю с грядущим Новым годом, к которому у всех нас, вероятно, только одно общее пожелание. Исполнится ли оно хоть к концу 1916 года? ²

Рад буду видеть Вас в Царском — в любое из воскресений.

Жму Вашу руку.

Ваш Р. Иванов.

Р. С. Мне передавали, что Мережковские ведут переговоры с Ясным-Поповым об издании «Петербурга». Как бы не вышло недоразумения — и не вышло бы сразу два «Петербурга»? ³

Ответ на п. 3.

¹ 16 декабря 1915 г. Иванов-Разумник сообщал М. К. Лемке: «Сегодня пишу письмо Пелагее Ивановне <...> по поводу «Андрея Белого». Этот писатель бедствует в Швейцарии; «Сирин» мог бы ему помочь, не затратив на помощь ни обولا: стоит только дать разрешение сброшюровать из сборников «Сирин» роман «Петербург» — и пустить его отдельным томом в продажу, с отчислением гонорара автору. Не знаю, что выйдет из моего письма, но обидно будет, если такой большой писатель, как Андрей Белый, не получит в тяжелую минуту помощи — хотя бы от совершенно не понимающих его «меценатов». Ведь роман его, который — я знаю — со временем будет считаться «гениальным», — я с великим трудом провел в сборники «Сирин», настояв на этом самым решительным образом. А «меценаты» только брались» (ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 473). 15 января 1916 г. он писал ему же: «От Терещенко получено письмо, с разрешением взять «Петербург» из сборников и соединить воедино; собственник всех 6000 экз. — автор, Андрей Белый <...> рад я очень и очень за Бугаева, и рад, что мог устроить все это дело; рад за него и — за литературу, которая получает такой роман...» (там же). В записной книжке 1915—1916 гг. Блок скопировал распоряжение П. И. Терещенко «Книжному складу Стасюлевича» от 6 января 1916 г.: «Разрешаю вырезать из 3-х сборников Сирин, в колич<естве> 6000 экз. каждый, роман А. Белого «Петербург», выпустить его в продажу особо и считать собственником книги автора «Петербурга» А. Белого — Бориса Ник<олаевича> Бугаева» (приводится в примечаниях В. Н. Орлова в кн.: «Александр Блок и Андрей Белый. Переписка», с. 331).

² По всей вероятности, надежда на окончание войны.

³ На письме — помета Блока: «З. Н. сказала, что Ясный отказался». «З. Н.» — Гиппиус; Владимир Михайлович Ясный — издатель.

5. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

11 февр<аля> 1916. Царское Село

Дорогой Александр Александрович,

в жестокой инфлуэнце я пролежал дома две недели; теперь, побывав в типографии, с огорчением убедился, что дело с «Петербургом» стоит на мертвой точке из-за цензуры. Нет ли у Вас в этом «ведомстве» каких-либо знакомств военных? Без личных объяснений ничего не поделаешь: заглавие романа противоречит Указу... Надо объяснить, что в 1905 году Петербургу зазорно было бы именоваться «Петроградом»... ¹

Жму Вашу руку. Р. Иванов

¹ Имеется в виду высочайший указ от 18 (31) августа 1914 г. о переименовании С.-Петербурга в Петроград. Действие романа Андрея Белого разворачивается осенью 1905 г. На письмо — помета Блока: «Председатель комитета военной цензуры — г-н Левитский (Щеголев с ним говорил). Ответ 14 II».

6. БЛОК — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

14 февр<аля> 1916. «Петроград»

Дорогой Разумник Васильевич.

Сейчас Ал. Н. Чеботаревская передала о нашем деле П. Е. Щеголеву, а П. Е. звонил к председателю комитета военной цензуры г. Левитскому¹. Г. Левитский сказал, что это — пустяки и можно уладить, дав т<аким> о<бразом> принципиальное согласие на разрешение заглавия романа. Остается пойти в присутств<енные> часы в цензуру и сказать о получении согласия тому цензору, которому дело подведомственно. Вероятно, сейчас же можно будет получить и разрешение.

Боюсь делать это сам, так как не обладаю красноречием и способностью нажима, которую все-таки надо проявить. Нет ли у Вас кого, чтобы командировать для этого, уже почти механического, дела?

Вчера я звонил еще Пясту, который обещал переговорить с Румановым (корреспондент «Русского Слова») ², но пока еще ответа не имею. Да может быть, нам довольно и того, что есть от Щеголева? — Пясту я немного боюсь поручить это дело; может не суметь, как и я.

Преданный Вам Ал. Блок

Р. С. Сейчас позвонил Пяст: у Руманова есть знакомый военный цензор, с которым он может поговорить; я сказал, что при случае мы воспользуемся, но пока надобности нет³.

Ответ на п. 5.

¹ Александра Николаевна Чеботаревская (1869—1925) — переводчица и критик. Павел Елисеевич Щеголев (1877—1931) — литературовед, историк революционного движения, редактор и издатель журнала «Былое». Николай Иванович Левитский — член Петроградского комитета по делам печати.

² Аркадий Вениаминович Руманов (1876—1960) — журналист, представитель редакции московской газеты «Русское слово» в Петербурге, часто встречавшийся с Блоком в 1910-е годы. См. комментарий в кн.: ЛН, т. 89, с. 280.

³ Цензурные осложнения с изданием «Петербурга» этим, однако, не были исчерпаны. 25 февраля 1916 г. Блок писал Ал. Н. Чеботаревской: «Сейчас от Стасюлевича мне сказали, что из типографии ходят в цензуру каждый день и все не могут добиться разрешения»; он сообщал ей также для координации дальнейших хлопот адрес и телефон Иванова-Разумника («Письма и дарственные надписи Блока Александре Чеботаревской». Публикация Д. Е. Максимова. — «Блоковский сб.», 1, с. 550).

7. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ¹

4 марта 1916. «Царское Село»

Дорогой Александр Александрович,

только вчера мне сообщили из типографии, что цензура вернула, после ряда нелепейших «недоразумений», «Петербург». Я дважды писал господам цензорам письма увещательные и поносительные; анекдот для истории современной цензуры.

Теперь книга сдается брошюровщику¹; недели через две могут выйти в свет первые экземпляры. Надо составить объявление для газет — это я могу взять на себя. Но меня вот что смущает (совсем другое): А. С. Петровский снова писал мне о тяжелом материальном положении Б. Н.² А роман в лучшем случае начнет «давать плоды» месяца через два, когда окупятся типографские расходы. Если Вы захотите помочь Б. Н., то напишите мне «полупофициальное письмо» о положении дела — для Литературного Фонда (ближайшее заседание — 7 марта); я думаю, что теперь можно было бы взять

срочную ссуду (рублей на 300), с обязательством вернуть хотя бы через 1/2 года. Для этого нужно только чье-либо «поручительство». А я сообщил бы в Фонде об издании романа — и ссуда была бы дана наверное.

Через неделю я читаю в одном обществе статью — о войне и нашем отношении к ней. Будут споры — с кадетами, социалистами, теософами и т. п.³ Вряд ли это Вам интересно, — но я с удовольствием прислал бы Вам повестку на этот вечер.

Искренне уважающий Р. И в а н о в

¹ Отдельное издание «Петербург» было реализовано путем соединения оттисков из трех альманахов «Сирин», каждого со своей пагинацией страниц, 15 января 1916 г. Иванов-Разумник писал М. К. Лемке: «Брошюровщик отказался шивать «Петербург» проволокой на коленкорный корешок: это заняло бы чертову уйму времени и обошлось бы от 30 до 40 коп. с обложки, т. е. около 2000 р. на всем издании — благодарим покорно! Решили мы — т. е. я и Блок — просто-напросто удовлетвориться клеем <...> возможно ли это, выдержит ли кирпич в 40 печатных листов?» (ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 473).

² Письма ближайшего друга Андрея Белого, переводчика и впоследствии музейоведа Алексея Сергеевича Петровского (1881—1958) в архиве Иванова-Разумника не сохранились.

³ Вероятно, предполагаемое чтение должно было происходить на квартире Ф. Сологуба (см. об этом воспоминания К. Эрберга — «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год». Л., 1979). По свидетельству Иванова-Разумника, его выступление состоялось 6 марта 1916 г. под председательством П. Н. Милокова «в небольшом случайном собрании человек тридцати <...> в квартире одного из больших наших поэтов» (И в а н о в - Р а з у м н и к. Год революции. Статьи 1917 года. СПб., «Революционный социализм», 1918, с. 5). Статья Иванова-Разумника — «Испытание огнем» («Скифы», сб. 1. «Пг.», 1917, с. 261—304); в ней сформулирована последовательная антивоенная, антинационалистическая позиция. Ср. письмо Иванова-Разумника к М. К. Лемке от 27 марта 1916 г.: «На днях читаю я свою статью, известную Вам, — в обществе полусотни именитых людей, — не для поучения, ниже для вразумления, а единственно — для поругания (т. е. это они меня ругать будут, начиная от Струве и кончая Керенским)» (ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 473)

8. БЛОК — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

5 марта 1916. «Петроград»

Многоуважаемый Разумник Васильевич.

Б. Н. Бугаев (Андрей Белый) опять находится в тяжелом положении¹. Нельзя ли на этот раз попросить у Литературного Фонда срочную ссуду рублей хоть в 300, на полгода? Если мы не сможем выплатить эти деньги Фонду из доходов от продажи романа «Петербург», то выплатим их мы вместе с З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковским, на что я сейчас получил от них согласие. Следовало бы поднять этот вопрос в ближайшем заседании Литературного Фонда, так как время не терпит².

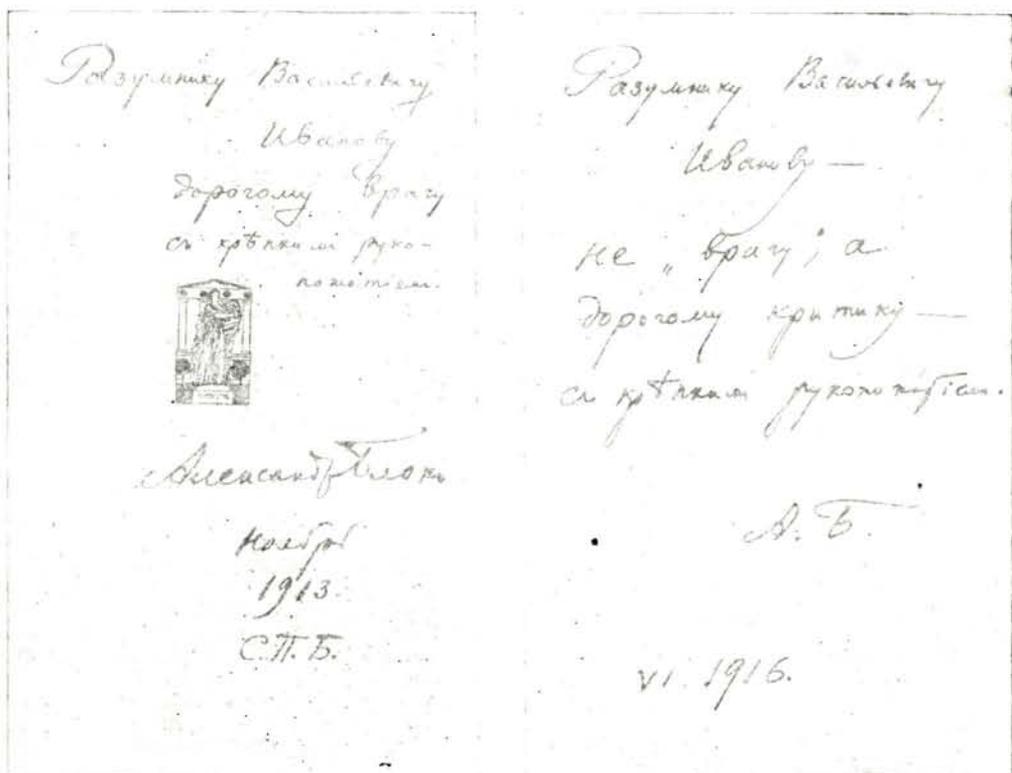
Искренно Вас уважающий Ал. Блок

Ответ на и. 7 (на нем помета Блока: «Отв<ет> 5 III»).

Письмо хранится в журнале Комитета Литературного фонда, 1916, № 15, л. 76—76 об. (ИРЛИ, ф. 155).

¹ Эти слова рассчитаны не на Иванова-Разумника, а на Комитет Литературного фонда, в котором письмо Блока должно было рассматриваться как ходатайство о ссуде Андрею Белому (см. п. 7).

² В протоколе заседания Комитета Литературного фонда от 7 марта 1916 г., состоявшегося под председательством С. А. Венгерова и при участии Иванова-Разумника (члена Комитета), записано: «Письмо А. А. Блока о тяжелом положении *Андрея Белого* (*Бор. Бугаева*). Просить для него 300 руб. с обязательством представить поручительство З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского и свое. — Выдать в ссуду 300 руб. для Андрея Белого и просить А. Блока представить поручительство» (ИРЛИ, ф. 155, 1916, № 15, л. 5). В записной книжке Блока занесен черновик «поручительства», датированный 8 марта 1916 г.: «Мы, нижеподписавшиеся, обязуемся возвратить Комитету Литературного Фонда выданные им Б. Н. Бугаеву (А. Белому) 300 рублей через шесть месяцев, в случае, если эту сумму нельзя будет покрыть путем продажи романа А. Белого «Петербург» (приводится в примечаниях В. Н. Орлова в кн.: «Александр Блок и Андрей Белый. Переписка», с. 331).



БЛОК. СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ.
КН. III. «СНЕЖНАЯ НОЧЬ». М., «МУСАГЕТ»,
1912

С дарственной надписью Р. В. Иванову-Разум-
нику от ноября 1913 г.

Институт русской литературы АН СССР,
Ленинград

БЛОК. СТИХОТВОРЕНИЯ. КН. 1. М.,
«МУСАГЕТ», 1916

С дарственной надписью Р. В. Иванову-Разумнику
от июня 1916 г.

Институт русской литературы АН СССР,
Ленинград

9. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

12 апреля 1916. Царское Село. Колпинская, 20, кв. 2

Дорогой Александр Александрович,

мы можем поздравить друг друга: «Петербург» вышел в свет и уже продается в магазинах; в субботу будет объявление в «Речи»¹. Надо теперь составить список лиц, которым послать роман А. Белого². Не заедете ли Вы ко мне в воскресенье (17 апреля)? У меня никого не будет, погода чудесная, можно погулять, заодно зайти «отдать визит» Чулкову³ (он у меня был несколько раз) — и затем переговорить окончательно о романе и о будущей его судьбе. Очень буду рад Вас видеть.

Звонил я Вам как-то на Страстной Неделе, но Вы были еще в Москве⁴. Поздравляю с Светлым Праздником⁵ — воистину весна пришла.

Ваш Р. Иванов

¹ Текст объявления: «Вышла новая книга «Петербург». Роман Андрея Белого. Стр. 640. Цена 2 р. Склад издания в книжном складе М. М. Стасюлевича» («Речь», 1916, № 103, 16 апреля, с. 2). 26 марта (8 апреля) 1916 г. Иванов-Разумник сообщил Белому о предстоящем выходе «Петербурга» и о хлопотах, предпринятых Блоком в этой связи (ГБЛ, ф. 25, карт. 16, ед. хр. 6а).

² Этот список предполагалось передать в типографию Стасюлевича. Ср. письмо Иванова-Разумника к М. К. Лемке от 16 июня 1916 г.: «Прилагаю список лиц, коим надо еще разослать роман А. Белого «Петербург»» (ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 473).

³ В 1916 г. Г. И. Чулков после заграничного лечения по совету врачей поселился в Царском Селе: «Мы наняли с женою квартиру на Малой улице. Я перевез сюда из Петербурга свои книги. Друзья навещали меня <...>» (Георгий Чулков. Годы странствий. Из книги воспоминаний. М., «Федерация», 1930, с. 308).

⁴ Блок был в Москве с 29 марта по 6 апреля 1916 г. по делам постановки драмы «Роза и Крест» в Московском Художественном театре.

⁵ Пасха — 10 апреля.

10. БЛОК — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

13 апреля 1916, «Петроград»

С Праздником, дорогой Разумник Васильевич!

В воскресенье надеюсь побывать у Вас, тогда переговорим обо всем ¹. Между прочим, В. В. Пашуканис («Мусагет») ² предлагал взять на себя распространение «Петербурга» в Москве.

До свидания, крепко жму Вашу руку.

Ваш Ал. Блок

Ответ на п. 9.

¹ В воскресенье 17 апреля Блок записал: «С большими трудностями достигнув Царского Села <...>, я был у Р. В. Иванова и с ним потом обедал и провел вечер у Г. И. Чулкова. Разумник более настойчивый, чем Чулков» (ЗК, 296).

² Викентий Викентьевич Пашуканис (? — 1919) был в 1915—1916 гг. делопроизводителем в издательстве «Мусагет» (владелец издательства Э. К. Метнер жил в это время в Швейцарии), имел непосредственное отношение к выпуску в свет в «Мусагете» «Стихотворений в трех книгах» Блока (1916). В 1916 г. на базе «Мусагета» Пашуканис организовал издательство собственного имени.

11. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

13—V—1916. СПб.

Дорогой Александр Александрович,

я хотел повидать Вас перед отъездом, но безуспешно пробовал звонить по телефону несколько раз вчера. Завтра уезжаю на все лето; адрес — *Сольцы (Псковск<ой> губ<ернии>), по Моск<овско>-Винд<авско>-Рыб<инской> ж<елезной> дорожке; Деревня Песочки*, — черкните как-нибудь. О «Петербурге» прочел статейку Пяста — полукислую, полусладкую, как «рзб» * шведский хлеб ¹. — Был в типографии, справлялся о книге — идет хорошо; прошло уже 600 экз.

Всего лучшего и до свидания до осени; крепко жму Вашу руку.

Ваш Р. Иванов

¹ Статья В. Пяста «Роман философа» («День», 1916, № 129, 12 мая, с. 5) — рецензия на отдельное издание «Петербурга». Расценивая роман Белого в целом чрезвычайно высоко, Пяст, в частности, писал: «Сколь многие «не выносят» этого замечательного автора, проходя мимо выпуклых и живописнейших его описаний, мимо утонченнейших проникновений в дарство почти невыразимых для пера, ускользающих переживаний, вроде ощущений на грани между сном и бодрствованием или между безумием и сверх обычного углубленным сознанием <...> на каждой странице приходится изумляться напряженности и мощи таланта автора <...> в ряду произведений, посвященных эпохе девятисот пятого года, «Петербургу» принадлежит одно из первых мест». Особо подчеркнул Пяст своеобразие Белого в трактовке «петербургской» темы: «Его «Петербург» — это отвлеченная эстетическая идея этого города. Кажется, что автор строит ее почти как математик, как философ-рационалист, прежде действительности, почти не справляясь с последней».

12. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

31—V—1916. Сольцы (Псковск<ой> г<убернии>), дер. Песочки

Дорогой Александр Александрович,

пишу на авось — не зная Вашего летнего адреса и не зная, долго ли Вы еще в Петербурге. По поводу «Петербурга» в кавычках — думаю, что Вы

* Клякса на слове.

правы: у Стасюлевича к нему относятся как к нелепости дикой¹, но вряд ли из-за этого они намеренно не хлопочут о распространении. О передаче части издания на комиссию «Мусажету» — дело устроить не удалось: у них в Москве один комиссионер (Башмаков)², и по условию они не могут давать на комиссию никому другому. Кстати: только на днях я прочел в «Русск<их> Вед<омостях>» объявление о романе Андр<ея> Бел<ого>³; быть может, он еще и двинется вперед? Я твердо на это надеюсь. Есть выход: все издание взять у Стасюлевича и передать Мусажету. Как Вы думаете? Не опасно ли? (Я не знаю Пашуканиса — или как его?). Только надо суметь добыть роман от брошюрщика⁴.

Я сегодня пишу в типографию — чтобы немедленно разослали они указанные им экз<емпляры> «для отзыва». Подтвердите и Вы со своей стороны: крепче будет. О Пясте и еще десятке намеченных нами лиц — моя вина: посылаю их адреса только теперь, раньше все равно не было экземпляров.

Не было ли еще где-либо отзывов? (кроме Пяста). «Речь» молчит, московские газеты — не знаю, как и что. В «Биржевке» пишет о литературе Гершензон; сегодня я пишу ему, чтобы хоть он-то не замалчивал А<ндрея> Б<елого>⁵.

Благодарю Вас за обещанный экземпляр Ваших изданий; не присылайте их мне сюда, а отложите (с надписанием) — в сторонку, до осени⁶. Очень рад и за Вас и за читателя, что они так хорошо⁷.

Были ли в Москве на новых репетициях? На генеральной надеюсь быть и я⁸, — буду дважды осенью в Москве.

Сердечный привет.

Ваш Р. Иванов

Ответ на письмо Блока от 24 мая («Пишу Р. В. Иванову <...>», — записал Блок в этот день; ЗК, 302), не сохранившееся в архиве Иванова-Разумника.

¹ Таковым было, прежде всего, мнение М. К. Лемке, судя по письмам Иванова-Разумника к нему (ответные письма Лемке в архиве Иванова-Разумника не сохранились). В письме от 15 января 1916 г. Иванов-Разумник, делиясь с Лемке своими соображениями о перспективах распространения тиража отдельного издания «Петербурга», замечал: «Когда весь этот роман разоидется — хоть в шесть лет — автору придется за него 12000 р.! Вижу, как Вы смеетесь и уверяете, что за шесть лет разоидется всего шесть экземпляров — но сохраните это письмо мое хоть шесть лет, а 15 января 1922 г. вспомните меня, бросая это письмо за ненадобностью в печку. . . <...> Да прочтите Вы его, хоть меня ради!» В письме к Лемке от 12 июля 1916 г. Иванов-Разумник приложил газетную вырезку — несколько фраз из статьи Н. А. Бердяева о «Петербурге» (см. прим. 5), добавив: «Это только для предисловия, чтобы Вы не считали меня одиноким в моем сумасшествии!» (ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 473).

² В Москве «Петербург» распространялся книжным складом братьев Башмаковых.

³ «Русские ведомости», 1916, № 119, 25 мая, с. 1.

⁴ Блок записал в связи с этим 3 июня: «Письмо от Р. В. Иванова. С «Петербургом» А. Белого дело обстоит неважно» (ЗК, 304).

⁵ Публицист, историк литературы и культуры Михаил Осипович Гершензон (1869—1925) был в близких отношениях с Андреем Белым с конца 1907 г. Белый написал о нем статью-некролог («М. О. Гершензон» — «Россия», 1925, № 5 (14), с. 241—258) и посвятил ему главу в мемуарах (Андрей Б е л ы й. Между двух революций. Л., «1934», с. 279—295). См. также: Arthur L e v i n. Andrey Bely, M. O. Gershenzon, and «Vekhi»: A Rejoinder to N. Valentinov. — В кн.: «Andrey Bely. A critical review». Ed. by Gerald Janesek. The University Press of Kentucky. Lexington, 1978, p. 169—180. «Биржевые ведомости» откликнулись на выход «Петербурга» статьей Н. А. Бердяева «Астраальный роман (Размышления по поводу романа А. Белого «Петербург»)» (1916, № 15651, 1 июля), в которой роман был расценен исключительно высоко. Статья вошла в кн.: Николай Б е р д я е в. Кризис искусства. М., 1918, с. 36—47.

⁶ Экземпляры книг Блока «Стихотворения, кн. 1» и «Театр», вышедших в свет в издательстве «Мусажет» в апреле 1916 г. Надпись на первой книге: «Разумнику Васильевичу Иванову — не «врагу», а дорогому критику — с крепким рукопожатием. А. Б. VI. 1916»; на второй: «Дорогому Разумнику Васильевичу Иванову, которому хорошо знакома история издания этой книги. А. Б. СПб. VI. 1916» (приводятся Ивановым-Разумником в книге «Вершины», с. 238—239).

⁷ Т. е.: хорошо расходятся.

⁸ Репетиции драмы Блока «Роза и Крест» в Московском Художественном театре, принятой к постановке в феврале 1916 г. В связи с этим Блок ездил в Москву в конце марта — начале апреля 1916 г. Намерение Блока повторно съездить в Москву для участия в репети-

циях не осуществилось (см. п. 13). Репетиции «Розы и Креста» возобновились после летнего перерыва под руководством Вл. И. Немировича-Данченко, однако постановка пьесы так и не была осуществлена (см.: Ю. К. Герасимов. «Роза и Крест» в Московском Художественном театре. — В кн.: «Блоковский сб.», 1, с. 522—527; О. В. Гзовская. А. А. Блок в Московском Художественном театре. — «Русская литература», 1961, № 3, с. 197—205).

13. БЛОК — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

8 июня 1916. «Петроград»

Дорогой Разумник Васильевич.

Никуда еще не уезжал я из города, здесь лучше работать. В Москву тоже не пришлось съездить. Теперь, вероятно, уеду, все-таки, в деревню (Николаевская железная дорога, ст. Подсолнечная, сельцо Шахматово)¹.

Литенин² говорит, что разослал все экземпляры «Петербурга», которые полагалось разослать по списку. Как идет книга, я уж больше не спрашиваю: дай бог, чтобы к осени обрадовали нас неожиданной цифрой. Вообще, оставим это дело до осени так, как есть. Пашуканис, при всех его достоинствах, не таков, чтобы простирать ему объятия: временами — ужасно долго отмалчивается на вопросы деловые, требующие скорого ответа.

Отзывов о «Петербурге» больше нигде не видал. В «Летописи» и «Русской мысли» в списках книг есть (в майских книжках³). Я дал экземпляр Княжнину⁴, может быть, где-нибудь помянет. С Вашими экземплярами моих книг поступлено так, как Вы писали: они надписаны, завернуты и ждут Вашего возвращения.

Сердечно Ваш Ал. Блок

Р. С. Алексей Михайлович бросает квартиру, складывает все добро к Пясту (у которого живет уже только что женившийся Евгений Павлович Иванов⁵) и уезжает с Серафимой Павловной в Черниговскую губернию, а потом — неизвестно куда⁶. Книги его печатать никто не берет, и за последнюю-то «Лукоморье» заплатило бесстыдно мало⁷. Вообще — ох, как все жметса; до чего еще доживем зимой?

Ответ на п. 12 (на нем — помета Блока: «Отв(ет) 8.VI»).

¹ В 1916 г. Блок побывал в Шахматове только с 18 по 22 июля. Это было его последнее пребывание в Шахматове.

² Иван Николаевич Литенин — служащий типографии и книжного склада М. М. Стасюлевича.

³ «Петербург» указан в списках книг, поступивших в редакцию («Летопись», 1916, № 5, с. 307; «Русская мысль», 1916, № 5, отдел «Книжные новости», с. 19).

⁴ Вл. Княжнин (псевдоним Владимира Николаевича Ивойлова; 1883—1942) — поэт, критик, историк литературы, бывший с Блоком в дружеских отношениях.

⁵ Ближайший друг Блока Е. П. Иванов (1879—1942) женился на Александре Фаддеевне Горбовой, своей сослуживице по Губстатотделу, 23 мая 1916 г. Блок и Вл. Пяст были шаферами. См.: ЗК, 301—302; письма Блока к матери от 23 и 26 мая 1916 г. («Письма к родным», II, с. 285—286, 465). О квартире Пяста на Теряевой улице Блок отметил, что она «хорошая и большая, так что жить можно довольно отдельно» (там же, с. 286).

⁶ А. М. Ремизов и его жена С. П. Ремизова-Довгелло (1876—1943).

⁷ Книга А. М. Ремизова «Укрепя. Слово к русской земле о земле родной, тайностях земных и судьбе» (Пг., «Лукоморье», 1916) вышла в декабре 1915 г.).

14. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

5—VII—1916. Сольцы, Псковской губернии, дер. Песочки

Дорогой Александр Александрович,

не знаю, где Вы — в деревне ли, в Питере ли? А написать надо, поэтому разубаю Гордиев узел и пишу Вам это письмо — в деревню, открытку шлю — в Петербург¹.

Дело все то же — о «Петербурге». Я получил на днях письмо от А. С. Петровского²; он пишет, что знаменитый Пашуканис предлагает следующее:

1) *Купить* немедленно весь «Петербург», если его из 6000 экз. продано еще не более 1000 экз.

2) Заплатить за это 50% *номинальной цены* (значит за 5000 экз. — 5000 р.), — и

3) Выплачивать эти деньги Бугаеву *ежемесячными платежами по 200 руб. л'ей*», — т. е. рассрочить платеж на 2 с лишним года.

Петровский ждет ответа; я написал ему, что немедленно спешусь с Вами.

Конечно, Бугаев — «хозяин», он может немедленно устроить дело с Пашуканисом; но мы с Вами — литературные блюстители интересов Бор'киса > Никол'каевича, и не посылая Пашуканиса от Понтия к Пилату должны скорее решить дело к пользе Бугаева. Вот и жду Вашего решения.

А пока скажу свое мнение. Оно следующее: *если* Пашуканис *вполне и безусловно* заслуживает доверия, то надо немедленно соглашаться. Вы ведете с ним дела; Вам виднее. Это первое. Второе: если Пашуканис > и вполне заслуживает доверия, то можно ли рискнуть продлить ему доверие на два года с лишним? Через год он может оказаться в ином денежном положении, чем теперь. Должен Вам признаться, что в этом случае я предпочитаю медленную стасюлевичскую синицу быстрому пашуканисовому журавлю. Как бы журавль не увяз в болоте?

Повторяю — Вам виднее. Обдумайте и черкните мне, пожалуйста. А я пока наведу справки о ходе дела в складе Стасюлевича. Я спрашивал недели две-три тому назад Лемке (он теперь постоянно в Петербурге и сам ведет дела); он мне ответил, что-де к его великому изумлению — «роман идет *отлично*», но что брошюровщик Кан чинит затруднения, доставляя книгу малыми партиями. Сегодня же пишу ему еще раз, прошу слово «отлично» выразить в цифрах³.

Скучно писать такие бухгалтерские письма, да надо доводить дело до конца. Как Вы живете? Я живу интереснейшими впечатлениями деревни, которая за последнее время растет, как царевич Гвидон в бочке⁴.

От Ал'ексея > Михайловича имел только короткую весть, что уехал он в Черниговскую губернию⁵. Как-то проживет он дальше? Год тяжелый впереди.

Жму руку и шлю сердечный привет.

Ваш Р. И в а н о в

Р. С. О «Петербурге» читал я Бердяева в «Бирж'евых» Вед'омостях»⁶ и не читал Вяч. Иванова в «Утре России»⁷.

¹ Открытка, также датированная 5 июля 1916 г., сохранилась среди писем Иванова-Разумника к Блоку. В ней вкратце излагается содержание настоящего письма. По ее получении Блок писал матери (7 июля): «Перешли мне <...> письмо Иванова-Разумника, посланное им в Шахматово» (VIII, 465).

² См. п. 7, прим. 2.

³ О предложении заведующего издательством «Мусагет» В. В. Пашуканиса Иванов-Разумник написал М. К. Лемке 12 июля 1916 г.: «Если бы Пашуканис был «солидной фирмой», то предложение было бы хорошее: получить верные 5000 р. лучше, чем неверные 7000 р. К Вам поэтому просьба, — сообщите: что такое оный Пашуканис и насколько заслуживает доверия? Вторая просьба; Вы писали, что «Петербург» идет «отлично»; велья ли это слово перевести в цифру? Я хочу писать автору и иметь кое-какие данные. Третья просьба, — произвести расследование: из Москвы мне пишут, что «Петербург» нигде невозможно достать. Неужели же это все из-за Кана?» (ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 473). Ответные письма М. К. Лемке в архиве Иванова-Разумника не сохранились.

⁴ Маем—сентябрем 1916 г. датированы печатавшиеся в «Русских ведомостях» очерки Иванова-Разумника, в которых обобщены его деревенские впечатления предреволюционного лета. Очерки вошли в кн.: И в а н о в - Р а з у м н и к. Перед грозой. 1916—1917 г. Пг., «Колос», 1923, с. 13—61.

⁵ А. М. Ремизов. 160 его писем к Иванову-Разумнику за 1908—1919 гг. (по подсчетам последнего; см.: Р. В. И в а н о в - Р а з у м н и к. Опись архива. Письма к Р. В. Иванову. — ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 88, л. 6) не сохранились.

⁶ См. п. 12, прим. 5.

⁷ Вячеслав Иванов. Вдохновение ужаса (О романе Андрея Белого «Петербург»). — «Утро России», 1916, 28 мая. Статья вошла в кн.: Вячеслав Иванов. Родное и вселенское. М., 1918, с. 89—101.

15. БЛОК — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

11 июля 1916. «Петроград»

Дорогой Разумник Васильевич.

Оба Ваши письма получил, а отвечаю Вам наспех: я призван и в 20-х числах уезжаю на службу в действ <ующую> армию ¹.

Пашуканиса в денежных делах упрекнуть я не могу, но в различных проволочках, в невнимании, в уклончивости ответов он повинен. Трудно себе представить, какие встретятся препятствия, но канитель возникнуть может. Поэтому я, принимая во внимание непрочность положения всяких дел, предпочел бы тихую стасюлевическую синицу. Сам я сейчас пишу Пашуканису о своих делах и сокращаю их до минимума (отказываюсь от нового издания, и т. д.), потому что за ними нужно следить неусыпно ². Два с лишним года, при нынешних условиях, срок слишком большой.

Вы писали письмо до 7 июля; что будет делать теперь Б. Н., представить себе не могу ³. Многие застигнуты врасплох. Желаю Вам всего самого лучшего и крепко жму Вашу руку. До свидания.

Ал. Блок

Ответ на п. 14 (на нем — помета Блока: «Отв<ет> 11 VII (предпоч<итаю> Стасюлевича) и открытку от 5 июля 1916 г.

¹ 7 июля был обнародован высочайший указ о «призыве ратников I и II разрядов», согласно которому Блок был призван на военную службу. Он был зачислен табельщиком в 13-ю инженерно-строительную дружину Всероссийского союза земств и городов. В расположении дружины (в районе Пинских болот) Блок выехал 26 июля.

² В записной книжке Блок отметил 11 июля: «Письма Иванову-Разумнику <...> и г-ну Пашуканису» (ЗК, 314). Письма Блока к Пашуканису (1915—1917), характеризующие работу над изданием в «Мусagetе» его собрания стихотворений и драм, по всей вероятности, не сохранились.

³ Андрей Белый также указом от 7 июля подлежал призыву на военную службу.

16. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

15 июля 1916. Сольцы, Псковской губернии, дер. Песочки

Дорогой Александр Александрович,

письмо Бугаева к Вам пришло на мое имя в Царское Село и оттуда, распечатанное, пришло ко мне. Пересылаю его сегодня Вам и извиняюсь за военную цензуру ¹. — Получил одновременно большое письмо его и очень обрадовался за «призыв»: из тяжелой и гнусной мути войдет он снова в живую жизнь ². Петровский писал мне, что телеграфировал Бор <ису> Ник <олаевичу> о призыве и что ждет его в Москву недели через две-три. Итак — все «деловые вопросы» о стасюлевичской синице и мусagetском журавле — отпадают; дело решит сам автор и владелец «Петербурга», вернувшись в Петербург.

Получил только что Ваше письмо и только что прочел в газетах об отсрочке до 15 августа ³; итак, еще месяц предпризывного отдыха. Рад был узнать, что Вы едете в «действующую армию» — рад потому, что противно смотреть на сотни патриотов, уютно пристраивающихся в столице ⁴. Уверен и за Бор <иса> Ник <олаевича>, что поступит он по своей совести. Когда будет мой призыв (1900 года) — поступлю по своей совести и я; поступки будут различны, но верность своей вере одинакова. Сердечный привет Вам и крепкое пожатие руки.

Искренне Ваш Р. Иванов

P. S. Так как осенью мы уже не свидимся, то если найдется у Вас за этот месяц свободное время переправить мне в Царское Село (Жолнинская 20,

кв. 2) «Ваши-мои» книги — буду очень благодарен⁵. Вообще — свидимся ли? Не потому, что Вы едете в «действующую армию», а потому, что для себя в ближайшее время я не жду ничего хорошего. Но надеюсь — до свидания.

Р. И.

Ответ на п. 15.

¹ Письмо Андрея Белого к Блоку, написанное около 23 июня 1916 г. («Александр Блок и Андрей Белый. Переписка», с. 329—331). Оно было приложено к письму Белого к Иванову-Разумнику от 23 июня 1916 г. с просьбой переслать его Блоку (ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 7). Как Блока, так и Иванова-Разумника Белый горячо благодарил за хлопоты в «Литературном фонде» и работу по изданию романа. Белый извещал также Иванова-Разумника о том, что высылает на его имя рукопись нового романа «Котик Ле-таев»: «Предоставляю Вам право что угодно делать с рукописью».

² Иванов-Разумник имеет в виду антропософское окружение Белого в Дорнахе. Его скептическое отношение к этой доктрине в данном случае подкреплялось отзывами Андрея Белого, с раздражением писавшего о большинстве последователей доктора Штейнера. В частности, 11 марта (н. ст.) 1916 г. Белый сообщал Иванову-Разумнику: «<...> очень много и неприятностей на почве здешней местной жизни. Отчаянные господа (верней, господа или проще «старые девы») наши антропософы; 5% порядочных людей, 1/2% людей замечательных: прочие — никуда не нужный балласт, тормозящий все дело доктора <...> столько здесь тяжелого, нудного, что Вы и представить себе не можете» (ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 7). В другом, недатированном письме к нему же (май 1916 г.) Белый высказывался еще резче: «2 1/2 года я живу в глухой, злой деревне среди враждебного населения и измученной кучки людей, дотерзывающих свое здоровье непосильным физическим трудом среди... «сумасшедшего дома» старух, старых дев и «психо-патологических» дам, съезжающихся из всех стран Европы не работать, а сплетничать, завидовать работающим и опозоривать их репутации. Заметьте: в нашем «О бшест»³ происходит нечто тягостное... <...> все воображение Сологуба меркнет перед «передоновшиной», которую нас уже 1 1/2 года мажут здесь...» (там же).

³ «Высочайшее соизволение на перенесение призыва ратников I и II разрядов» с 15 июля на 15 августа 1916 г. было обнародовано 12 июля 1916 г. Ср. письмо Иванова-Разумника к А. М. Ремизову от 12 июля 1916 г.: «Призыв 15/VII Вас не коснулся (как и меня); но «Андрей Белый», Блок — как они? С обоими я в переписке и обим пишу сегодня» (ИРЛИ, ф. 256, оп. 1, ед. хр. 103).

⁴ Ср. письмо Иванова-Разумника к М. К. Лемке от 25 сентября 1916 г.: «Патриоты на службе Союза Городов и социалисты в Земском Союзе, освобожденные от военщины и тепло пристроившиеся, литераторы — о победе взывающие и дома сидящие — все это омерзело мне с начала войны. В будущее народа русского крепко верю (и вера моя — от видения), но тем менее могу принимать какое бы то ни было участие в этой не народной, а купеческой войне, в одном ряду с обезумевшими социалистами-патриотами» (ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 473).

⁵ См. п. 12, прим. 6.

17. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

20—VII—1916, Сольцы, Псковской г. губернии. Песочки

Дорогой Александр Александрович,

на днях я отправил Вам письмо (заказное), и теперь вдогонку шлю открытку. Я получил от Лемке ответ: разошлось «Петербурга» уже 2000 экз., из них за наличный расчет — 1000. Дело с Пашуканисом, конечно, отпадает; в «собственности» Бугаева уже до 1 1/2 тыс. «яч» рубл. «ей» в конторе Стасюлевича.

Теперь вопрос: как с ними быть? Триста рублей необходимо (кажется в августе?) переслать Литературному Фонду в погашение долга Бугаева. Остается около тысячи. Если погасить долг Терещенкам (600 р.), то Бугаеву останется лишь рублей 400—500. Хватит ли их ему теперь? Отложить ли уплату долга Терещенкам на будущее? Все это надо решить теперь же, чтобы к приезду Бугаева (он придет, вероятно, к 15/VIII) передать все дело ему уже чистое от всяких долгов и хлопот. Тогда и мы с Вами можем сказать свое «ныне отпускаеши» автору «Петербурга»¹.

Если Вы до 15/VIII в Петербурге, то не переговаривайте ли с Лемке? (504—08)².

Сердечный привет. Ваш Р. Иванов

¹ Андрей Белый приехал в Петроград 3 августа и пробыл там по 6 августа 1916 г. В эти дни он посетил типографию Стасюлевича. Гонорар за «Петербург» Белый получил 11 сентября 1916 г.: «Беседа с М. К. Лемке. Получил 1000 руб. за проданные экземпляры «Петербург»» (Андрей Белый. Жизнь без Аси. — ГБЛ, ф. 25, карт. 31, ед. хр. 1). 14 сентября Белый был у Иванова-Разумника в Царском Селе. На следующий день Иванов-Разумник писал А. М. Ремизову: «Вчера провел у нас день и ночь — Бугаев <...> Я впервые видел его по-настоящему и еще больше его полюбил; один из немногих людей, у которого за душой есть подлинное, кровное» (ИРЛИ, ф. 256, оп. 1, ед. хр. 103).

² Блок ответил на это письмо 22 июля (ЗК, 315). Письмо не сохранилось.

18. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

16 декабря 1916. Царское Село. Колпинская, 20

Дорогой Александр Александрович,

с полгода, как оборвалась наша переписка — и я с тех пор только мельком слышал о Вас; даже не знаю, куда писать. Но думаю, что так или иначе, а по обычному адресу письмо дойдет до Вас ¹.

Во всяком случае — отзовитесь: как живется и что делается? От Георгия Нулкова ² слыхал я, что Вы изредка бываете и в Питере. Если да — хорошо бы увидаться; загляните в Царское, или я загляну к Вам на Пряжку ³.

У этого письма моего есть и деловой предлог, вот какой: есть у меня цикл Ваших стихов («Ямбы»), оставшийся еще после разгрома 1914 года ⁴. Теперь печатается сборник (в нем, между прочим, роман А. Белого ⁵) со стихами Брюсова, Белого, Сологуба ⁶, Клюева и других; можно ли поместить в него Ваши «Ямбы»? А если они уже были напечатаны, то не пришлете ли возможно скорее (очень спешно!) цикл стихов специально для этого сборника «Скифы». Срок для присылки — до конца декабря ⁷.

Надеюсь — до свидания. В моей судьбе много перемен, еще не совершившихся. Но этого не напишешь.

Сердечный привет. Ваш Разумник И в а н о в

¹ Письмо послано по петроградскому адресу Блока, находившегося в декабре 1916 г. в расположении инженерно-строительной дружины. В Петроград Блок приезжал в отпуск на октябрь 1916 г.

² Имеется в виду Г. И. Чулков, выведенный Андреем Белым в пародийном образе «козловеда» Георгия Нулкова в четвертой «симфонии» (Андрей Белый. Кубок метелей. Четвертая симфония. М., «Скорпион», 1908, с. 20, 22, 24, 47).

³ Дом Блока на углу Офицерской улицы и набережной реки Пряжки.

⁴ Имеется в виду правительственное запрещение журнала «Заветы» в августе 1914 г., после вступления России в войну. «Ямбы», как явствует из этого письма, были предоставлены Блоком Иванову-Разумнику для публикации в «Заветах». 13 февраля 1914 г. Иванов-Разумник сообщал Вяч. Иванову, что имеет цикл стихов Блока для «Заветов» (ГБЛ, ф. 109). Автографы трех стихотворений из «Ямбов» («2. О, я хочу безумно жить...», «3. Так мне диктует вдохновенье...», «5. Земное сердце стынет вновь...») сохранились в архиве Иванова-Разумника с его пометой: «Заветы. Портфель» (ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 39).

⁵ «Котик Летаев».

⁶ Ф. Сологуб в первом сборнике «Скифы» не участвовал. Предполагался к опубликованию его стихотворный цикл «Европейские песни» (письмо Иванова-Разумника к А. Н. Чеботаревской от 16 декабря 1916 г. — ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, ед. хр. 109). 8 января 1918 г. Сологуб писал Иванову-Разумнику: «Прошу Вас не печатать в «Скифах» моих парижских песен. Теперь это совершенно не своевременно» (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 327).

⁷ Сборники «Скифы» были задуманы во второй половине 1916 г., после безуспешных попыток возобновить издание «Заветов». «<...> Хотя «Заветы» и прекращены, но немедленно по окончании «военного положения» они начнутся снова — под другим заглавием», — писал Иванов-Разумник Вяч. Иванову 17 октября 1914 г. (ГБЛ, ф. 109); он же писал 14 мая 1915 г. К. Эрбергу: «Поздней осенью надеемся воскреснуть» (ИРЛИ, ф. 474, ед. хр. 145). Название подготавливаемого сборника — «Скифы» — Иванов-Разумник сообщил Андрею Белому 9 ноября 1916 г. (ГБЛ, ф. 25, карт. 16, ед. хр. 6а). Запрашивая у Брюсова стихи для «Скифов», он отмечал (в начале декабря 1916 г.): «Первый сборник выходит в январе» (ГБЛ, ф. 386, карт. 88, ед. хр. 3). Однако выпустить книгу в этот срок не удалось, и два месяца спустя Иванов-Разумник (в письме к Ф. Сологубу от 7 февраля 1917 г.) сообщал, что «Скифы» выйдут в свет в конце февраля (ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 296). На этот раз появление сборника замедлили, вероятно, события Февральской революции. Первый сборник «Скифы» вышел в свет только в августе 1917 г.

19. БЛОК — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

26 апреля 1917. «Петроград»

Дорогой Разумник Васильевич.

Не удивляйтесь, что я отвечаю Вам сейчас на письмо от 16 декабря. С фронта ответить никому не мог; в Петербурге уже больше месяца¹, но такая нервная усталость, что до сих пор не мог собраться написать.

«Ямбы» мои (если что-либо подобное еще может понадобиться) давно напечатаны в «Русском Слове»². Нового давно ничего нет. О том, что «Скифы» все-таки предполагаются, говорили «?» мне с месяц «ц» «назад?» Мережко «ю» «вские».

Несмотря на ужасную душевную слабость³, думаю дозвониться к Вам. Есть еще две книжки для Вас⁴.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Ал. Блок

Ответ на п. 18 (на нем помета Блока: «От дружнины». Не ответил). Ответил 26 апреля!). В записной книжке Блок отметил 26 апреля: «Письма Иванову-Разумнику и Пясту» (ЗК, 319). Письмо сохранилось в дефектном состоянии.

¹ Блок вернулся в Петроград из расположения инженерно-строительной дружины 19 марта 1917 г.

² В пасхальном номере газеты «Русское слово» (1915, № 67, 22 марта) были напечатаны четыре стихотворения из «Ямбов» Блока под общим заглавием «Твердость» (1. «И страшно, и легко, и больно. . .»; 2. «О, я хочу безумно жить. . .»; 3. «Земное сердце стнет вновь. . .»; 4. «О, как смеялись вы над нами. . .»). Отдельным изданием цикл вышел в начале августа 1919 г. (Александр Блок. Ямбы. (Современные стихи). (1907—1914). Пб., «Алконост», 1919).

³ В этих словах Иванов-Разумник, не видевшийся с Блоком долгое время, усмотрел реакцию поэта на новую общественную атмосферу, вызванную революцией. «Вчера получил я от Блока письмо с жалобами на «ужасную душевную слабость», — писал он Белому 29 апреля 1917 г. — А сегодня — Ваше письмо. . . Разве же это не характерно? Я знаю — сердце бывших «декадентов», бывших «символистов» не лежит к революции» (ГБЛ, ф. 25, карт. 16, ед. хр. 6а).

⁴ 2-я и 3-я книги «Стихотворений» Блока (М., «Мусагет», 1916). Надпись на 2-й книге: «Дорогому Разумнику Васильевичу Иванову — без Примечаний! А. Б.»; на 3-й: «Разумнику Васильевичу Иванову с сердечным приветом Александр Блок. Апрель 1917» («Вершины», с. 239, 241).

20. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

24 янв «аря» 1918. СПб.

Дорогой Александр Александрович,

спешные редакционные дела¹ помешают мне сегодня попасть вместе с Вами на заседание; поэтому хоть письмом хочу я передать Вам те мысли об издании наших «классиков», которые я высказал бы на заседании этом. Если найдете нужным — можете огласить². Три главных вопроса, связанные с изданием классиков, — орфография, редакция текста, время издания. . . И все три вопроса, по-моему, допускают только одно бесспорное решение.

Вопрос первый — орфография.

Я — всецело стою на признании и необходимости введения нового упрощенного правописания, по этому вопросу еще весною в редактировавшейся мною газете была помещена по моему настоянию статья проф. Сакулина, одного из наиболее деятельных сторонников реформы³. Но этот же П. Н. Сакулин, в частных разговорах, решительно стоял за то, чтобы с новой орфографией «классики» переиздавались бы лишь в изданиях «массовых», предназначенных для школы, для народа, в изданиях, «завод» которых составляет иногда много десятков тысяч, даже сотен тысяч экземпляров. Такие издания — лучшие проводники и укрепители реформы правописания. Но и независимо от этой причины ясно, что издания, предназначенные для широких кругов читателей, особенно для школы и народа, должны быть напечатаны по новой орфографии — иначе создастся величайшая путаница. Молодое поколение в школах, гимназиях уже перешло к новой системе письма; для них

необходимо издание таких классиков, как Пушкин, Некрасов, Тургенев, Салтыков и т. д., по новой системе письма, и без особых редакционных тонкостей. Впрочем о редакционной части — ниже.

Все это, однако, лишь первая половина вопроса. И тот же проф. Сакулин, рьяный защитник орфографической реформы, отрекся от однобокого и, так сказать, «напроломного» ее применения. Научное, не школьное, не популярное издание классиков — конечно, должно подчиняться тому письму, каким писали сами авторы. Мы дорожим, как ароматом эпохи, малейшими изменениями в письме Пушкина, мы в научных изданиях тщательно сохраняем все особенности его правописания — и вдруг мы стали бы подновлять его к реформе 1917 года! Ни один редактор за такое дело не возьмется; всякий историк литературы понимает, что это значило бы лишить автора того драгоценного «аромата эпохи», который в научном издании надо во что бы то ни стало сохранить. Для таких изданий отливают иногда даже особый старый шрифт (например, шрифт александровской эпохи для Пушкина); и что же, старым шрифтом мы будем печатать по новой орфографии? Народные и школьные, «массовые» издания должны ей следовать; издания историко-литературные, научные, издаваемые в ограниченном количестве, — не имеют права следовать ей. Нельзя Рембрандта «освежать» новыми красками.

Вопрос второй — редакция текста.

Этот вопрос еще менее спорен. Редакторами «классиков» должны быть приглашены люди, отдавшие иногда всю работу жизни любимому автору. Тут недопустимо было бы считаться с политическими убеждениями этих людей. Выбор — ограничен. Все мы знаем наперечет наших пушкинистов, «салтыковистов», «некрасоведов»: их раз-два — и обчелся. Необходимо привлечь их к тесной и близкой работе, ибо необходимо, чтобы научное издание классиков было подлинно научным. Точная датировка, варианты, разночтения, комментарии — все это должно быть осуществлено. Довольно с нас позорных изданий — изуродованного Сувориным Некрасова, Глазуновым — Тургенев⁴. Переиздать их в прежнем виде — совершенно недопустимо.

А этим предreshается и третий вопрос — о времени научного издания. Такую большую работу в два-три месяца не выполнишь. Необходимо приступить к ней немедленно, пригласив специалистов-редакторов (иной раз десятилетиями собирающих материалы для изданий) и дать им нужный срок для строгого и любовного выполнения задачи.

Итак, вот мои выводы:

- 1) Издание «классиков» для народа должно быть издано немедленно, с соблюдением новой орфографии.
- 2) Научное издание их должно следовать орфографии эпохи и автора, и не должно быть выполнено слишком поспешно.
- 3) Редакторами должны быть приглашены не случайные любители, а люди, специально посвятившие себя этим авторам.



«НОВЫЙ БЛОК». ДРУЖЕСКИЙ ШАРЖ
Бориса ЕФИМОВА
«Куранты» (Киев), 1918 г.

Только при соблюдении всех этих условий эти новые издания классиков будут отвечать своему назначению⁵.

Крепко жму Вашу руку.

Разумник И в а н о в

¹ В газете «Знамя труда».

² Ср. дневниковую запись Блока от 26 января: «Иванов-Разумник, бывший у меня, не мог идти вместе на заседание в Зимний дворец и оставил мне письмо для оглашения» (VII, 321). Речь идет об очередном заседании в Зимнем дворце созданной при Наркомпросе комиссии по изданию русских классиков, в состав которой входил Блок. Вопрос об использовании новой орфографии был поднят Блоком на первом заседании комиссии 17 января: «Я поднимаю вопрос об орфографии. Главное мое возражение — что она относится к технике творчества, в которую государство не должно вмешиваться. Старых писателей, которые пользовались иными как одним из средств для выражения своего творчества, надо издавать со старой орфографией. Новые, которые будут писать по-новому, перенесут свою творческую энергию (élan) в другие приемы <...> Меня поддерживают Л. Рейснер и Альтман. Остальные — за новую орфографию, хотя понимают меня» (запись Блока от 18 января 1918 г. — VII, 319). Для обсуждения поднятого вопроса Иванов-Разумник был приглашен на следующее заседание по просьбе Блока.

³ Статья литературоведа Павла Никитича Сакулина (1868—1930) в газете «Дело народа». Свою первую статью по этой теме («Упрощение русской орфографии») Сакулин опубликовал в журнале «Вестник воспитания» еще в 1904 г. (№ 6). Он участвовал в совещании орфографической комиссии при Академии наук, принявшей 11 мая 1917 г. постановления по вопросу об упрощении русского правописания. См. брошюры П. Н. Сакулина «Новое русское правописание» (М., 1917) и «Реформа русского правописания» (Пг., 1918).

⁴ Алексей Сергеевич Суворин (1834—1912), монополично владевший сочинениями Н. А. Некрасова с 1886 по 1917 г., под видом «полных» изданий издавал урезанный, полный ошибок и «подправок» текст (см.: А. Л. Гришунин. Очерк истории текстологии новой русской литературы. — В кн.: «Основы текстологии». М., 1962, с. 54). Глава петербургской книготорговой и книгоиздательской фирмы Илья Иванович Глазунов (1856—1913) неоднократно переиздавал «полное собрание сочинений» И. С. Тургенева (первое издание — 1883 г.) без критической проверки текста.

⁵ Характеризуя 26 февраля ход заседания комиссии по изданию русских классиков (председательствовал А. В. Луначарский), Блок записал: «Я повторяю свое возражение (единственное), прибавляя, что я на нем не стою (считаю, что мне надо это сказать в виде предостережения — caveat. . .) <...> Новое правописание принимается (Луначарский определяет мой довод как невесомый)» (VII, 322—323). Следует отметить, что в декрете Совнаркома РСФСР «о введении новой орфографии» от 10 октября 1918 г. необходимость издания классиков по новой орфографии не была оговорена, в этой связи названы только «все правительственные издания, периодические (газеты и журналы) и непериодические (научные труды, сборники и т. п.), все документы и бумаги» (Декреты Советской власти, т. III, М., 1964, с. 403—404).

21. БЛОК — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

30 января 1918. «Петроград»

Дорогой Разумник Васильевич.

Вот матерьял для первой книги «Нашего Пути»¹: 1) Романа Рони — целых две главы², при нем — записка о словах, вызывающих сомнение, и книга, которую хорошо бы вернуть как можно скорее — через два-три дня. 2) «Ямбы», из которых печатается только четвертое стихотворение (впрочем, остальные почти все — с вариантами)³. 3) Статья «Интеллигенция и Революция» с небольшими поправками⁴.

Прошрое заседание было очень стройное и дельное. Ваше письмо, в сущности, и решило вопрос об орфографии⁵. Есть дела еще, о которых надо нам с Вам<и> поговорить.

Ваш Ал. Блок

Р. С. Прилагаю для сведения, на всякий случай, адрес, данный М. Л. Толмачевой⁶.

¹ «Наш путь» — «литературно-политический журнал революционного социализма», издававшийся при Центральном комитете партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов) под редакцией Иванова-Разумника, Б. Д. Камкова и С. Д. Мстиславского. Вышло два номера «Нашего пути»: 1-й — в апреле, 2-й — в мае 1918 г. Ср. запись Блока от 30 января: «В редакции «Знамени труда» (матерьял для первой книжки «Нашего пути»)» (ЗК, 387).

* Роман французского писателя Жозефа Рони-старшего (1856—1940) «Красная волна» («La vague rouge», 1909) в переводе матери Блока А. А. Кублицкой-Пиоттух был начат печатанием в «Нашем пути» («Красный вал. Социальный роман из революционных нравов» — 1918, № 1, с. 92—114; № 2, с. 70—100). Первые две главы первой части романа были помещены в первом номере журнала. 19 января 1918 г. Блок записал: «Люба нашла у Violet «La vague Rouge» Rosny ainé для перевода маме (для «Нашего пути»)» (ЗК, 385; Violet — книготорговец).

³ Цикл Блока «Ямбы» в «Нашем пути» опубликован не был. После прекращения журнала Блок предлагал (в письме от 5 декабря 1918 г.) напечатать его В. С. Миролюбову (см.: III, 521). Четыре стихотворения цикла впоследствии были помещены в журнале «Знамя», в редактировании которого принимал участие Иванов-Разумник (1920, № 1 (3), апрель, стлб. 43—45).

⁴ Статья Блока «Интеллигенция и революция» была помещена в первом номере «Нашего пути». Впервые она была напечатана в газете «Знамя труда» (1918, № 122, 19 января).

⁵ Характеризуя в дневнике (26 января 1918 г.) ход заседания комиссии по изданию русских классиков, Блок отметил: «Письмо Разумника, которое я огласил, в сущности, дало пересек окончательный» (VII, 323).

⁶ Мария Львовна Толмачева (1867—1942) — детская писательница. См. о ней: «Советские детские писатели. Библиографический словарь (1917—1957)». Составили А. М. Витман и Л. Г. Оськина. М., 1961, с. 361. Толмачева была дружна с матерью Блока.

22. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

20 сент. <ября> 1918. Царское Село

Дорогой Александр Александрович — додумывая сейчас, поздней ночью, наш сегодняшний дневной разговор, берусь за перо, чтобы «поставить точку над *i*» (хотя бы и упраздненном) ¹.

«Организация хаоса» людьми. Безднадежность попыток, если «мы только люди». Разделение людей по двум самосознаниям: «только люди» и «не только люди» (все то же, давнишнее: «реалисты» и «романтики» ²). Вы сказали, между прочим, что за последние годы я по этой линии мысли подошел к «вам» (не только Вам). Думаю над этим, и вот что чувствую: и верно это и не верно; а чтобы не ходить в чужих перьях, надо показывать себя тем, что ты в действительности.

Верно это вот в чем. Никогда не был я в вере детского позитивизма («мы — только люди»), и всегда знал — и не только «знал» — что правда на другой стороне. Знал смутно и мало, знаю тверже и больше; прежде говорил «быть может», теперь говорю — «наверное». По этому пути последних десяти—пятнадцати лет я, несомненно, подошел к «вам», отошел не только от «позитивизма», но и от шестовского нитцшеанства ³; если раньше воздушный шар я считал мыльным пузырем (лишь иллюзия подъема и — лопнул), то теперь я знаю, что есть и подлинные подъемы, хотя бы и безмерно редкие. Думаю, что и «вы» увидели, что ошиблись раньше, считая прорыв в мир «не только» — не безмерно редким. Знаю это из дневника стихов Ваших, Бориса Николаевича — наиболее искренних, наиболее самоотражающих. Сошлись ли мы *il mezzo cammin* ⁴ нашей жизни? Быть может да, быть может нет, и нет вот почему: потому что чувствую себя ни на волос не сдвинувшимся с прежнего неприятия не моей воли.

В этом все дело. И мне здесь глубоко враждебны самые разнообразные «линии поведения»: и либеральный «прогресс» с позитивным «человекобожием», и коммунистическое «человечествобожие», и всяческое «богобожие». Ибо все они, безмерно разные, сходятся в одном: «Да будет воля Твоя» (кто бы ни был для них «Он»). Я же хоть и не хочу «заявить своеволие», как Кириллов ⁵, ибо мир приемлю, ибо чувствую даже, что «Он» и есть «Я» (и я), то есть знаю чувство Сыновства, но не могу быть и раскаявшимся блудным сыном, для которого заколают тельца. И если даже сам я когда-то предопределил пути (помните: «И совещались мы, Трое». . .), то теперь, будучи человеком, — пусть и «не только» человеком, — я этой гармонии не приемлю и «почтительнейше билет возвращаю» ⁶. Принимаю мир, не принимаю бога (в себе же!) и в этом месте — «да будет воля моя».

* в половине пути (итал.).

Отсюда — признание слабого, смертного, «только» человека — за последнюю ступень моего пути: «и есть иль нет дороги чрез гроба — я был, я есмь! Мне вечности не надо!»⁷ И здесь — я не сдвинулся ни на волос от книги «О смысле жизни», которую писал ровно десять лет назад. Наоборот: чем больше верю и знаю я, что мы «не только» люди, тем тверже буду я «только» человеком.

Это — «демонизм», «люциферианство»? Конечно. Если «да будет воля Твоя» — подлинное христианство, то пусть «да будет воля моя» — будет «люциферианством». Но я знаю, что это «люциферианство» так же близко Христу, как «христианство» (не говоря уже об историческом!) близко к другому полюсу.

Кончая, — тут надо писать не одну страницу. Я это и собираюсь сделать, если жизнь еще даст время.⁸ А эту страничку посылаю только как заключение к вчерашнему разговору — и сердечно обнимаю Вас.

Любящий Вас Р. Иванов

¹ На письме — надпись Блока: «Р. В. принес мне 30 (17) IX». Ср. запись Блока 19 сентября 1918 г.: «Р. В. Иванов. Разговор о делах и о книге «Против цивилизации», о Ключеве и его отношениях с «Землей» (ЗК, 428). Упоминается книга Евгения Полетаева и Николая Пунина «Против цивилизации» (Пб., 1918), которую, по воспоминаниям Иванова-Разумника, «Блок считал как нельзя более характерной для эпохи и которую нарочно купил и подарил мне со своей надписью (утрачена)». «Долгие разговоры» наши, — добавляет Иванов-Разумник, — не о самой книжке, к которой Блок относился отрицательно, а по поводу ее темы <...> — закончились подводными итогами обмена двух обширных писем» («Вершины», с. 245). Ответное письмо Блока не сохранилось. Экземпляр книги Е. Полетаева и Н. Пунина с пометами Блока и с датой «17 (4) IX.1918» сохранился в его библиотеке (шифр: 94 1/122). На экземпляре, подаренном Иванову-Разумнику, последним сделаны две надписи. Первая: «1922. Подарено мне в 1919 году А. А. Блоком: «книжка — интересный симптом». Длинная беседа на тему о подлинной (не пунино-бабуринской культуре)» (отнесение этих событий к 1919 г. — ошибка памяти Иванова-Разумника). Вторая надпись: «Пунина и Бабурина называют цивилизацию культурой, а культуру — цивилизацией. Они не понимают, что люди — не только люди». (Слова А. А. Блока после прочтения этой книжки. — И.-Р.). Эти надписи, а также пометы Блока на утраченном экземпляре книги сохранились в копии у Д. Е. Максимова, который на основании анализа помет заключает: «<...> наибольшее раздражение у Блока вызывало прославление ее авторами механического, регулирующего начала в обществе, подчиняющем своей централизованной власти личность человека и его индивидуальное творчество» (Д. М а к с и м о в. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1975, с. 367).

² Иванов-Разумник имеет в виду свою концепцию «реализма» и «романтизма» как двух «вечных путей», по которым развивается русская литература и общественная мысль.

³ Критический анализ философии Льва Шестова Иванов-Разумник дал в книге «О смысле жизни» (СПб., 1908, с. 162—255). Признавая в ней, что Шестов дал «своеобразную — быть может, лучшую во всей мировой литературе — интерпретацию идей Ницше», Иванов-Разумник замечал, что сам мыслитель «нитшеанцем» не был никогда, «никогда не выкраивал он из Ницше ярлыки и шаблоны на все случаи жизни, никогда не проповедывал той упрощенной морали, которой стада нитшеанцев загрязнили пострадавшие мысли Ницше» (с. 252).

⁴ Из первой строки «Божественной Комедии» Данте (Inferno, I, 1): «Nel mezzo del cammin di nostra vita» (в переводе М. Л. Лозинского: «Земную жизнь пройдя до половинны»).

⁵ Слова Кириллова («Бесы» Ф. М. Достоевского, ч. III, гл. 6) в разговоре с Петром Верховенским: «Если бог есть, то вся воля его, и из воли его я не могу. Если нет, то вся воля моя, и я обязан заявить своеволие»; «Я хочу заявить своеволие» и т. д. (см.: Ф. М. Достоевский и др. Полн. собр. соч. в 30 т., т. 10. Л., 1974, с. 470—472).

⁶ Слова Ивана Карамазова брату Алеше («Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского, ч. II, кн. 5, гл. IV): «<...> слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход <...> не бога я не принимаю, Алеша, я только билет ему почтительнейше возвращаю» (см.: Ф. М. Достоевский и др. Полн. собр. соч. в 30 т., т. 14. Л., 1976, с. 223). О воскрешении «Карамазовских вопросов» в русской литературе рубежа веков и, в частности, о цитированных словах Иванов-Разумник подробно говорит в книге «О смысле жизни» (с. 6—7, 13—17, 82, 145—146, 279 и др.).

⁷ Неточная цитата из стихотворения В. Я. Брюсова («К счастливым») («Свершатся сроки: загорится век...»), входящего в его книгу «Stephanos» (1905) (см.: Валерий Брюсов и др. Полн. собр. соч. в 7 т., т. 1. М., 1973, с. 435).

⁸ Иванов-Разумник намекает здесь на свой замысел книги «Оправданье человека», вынашивавший им в конце 1910-х—начале 1920-х годов. Книга под этим заглавием анонсировалась в 1922—1923 гг. как готовящаяся к печати в издательстве «Колос», но

в свет не вышла; работу над ней Иванов-Разумник, по всей вероятности, не довел до конца. Книгу эту Иванов-Разумник считал для себя итоговой: «Оправдание человека» — последняя моя книга, которую я вообще напечатаю, и последний блин комом пускать не хочется, — призывался он в письме к Ф. И. Витязеву (Седенко) от 12 марта 1923 г. (ЦГАЛИ, ф. 106, оп. 1, ед. хр. 64). В очерке «Надписи на книгах» Иванов-Разумник сообщает, что темой этой книги он «обязан в значительной мере разговорам с А. А. Блоком» («Вершины», с. 245).

23. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

28/XI 1918. «Детское Село»

Дорогой Александр Александрович,

Вы простудились третьего дня, я — должен по той же причине сегодня и вероятно завтра просидеть дома¹. Надеюсь в субботу быть на заседании (в 12 ч. дня?), для которого я на днях и приготовил краткое сообщение, предлагаемое при этом письме². Если найдете нужным огласить — огласите; нет — отложите до субботы. Если же Вы и сегодня еще больны и не пришли, то направляю этот пакет К. А. Эрбергу³.

Сердечный привет и до скорого свидания.

Ваш Р. Иванов

¹ 28 ноября 1918 г. состоялось заседание коллегии ответственных работников Театрального отдела Наркомпроса, в состав которой входили Блок и Иванов-Разумник («коллегия тринадцати»). Блок выступил в этот день с докладом «Очередная работа Репертуарной секции» (опубликован Ю. К. Герасимовым в кн.: «Блоковский сб.», 1, с. 341—343). Текст доклада заканчивался словами: «О группах работ редакционных, переводческих и архивных сообщат стоящие во главе этих групп Р. В. Иванов, Ф. Ф. Зелинский и Вл. В. Гиппиус».

² К письму приложена рукопись Иванова-Разумника, заведующего редакционной группой Репертуарной секции, датированная 25 ноября 1918 г. и адресованная: «В Репертуарную секцию Театрального отдела». А. А. Блоку». Иванов-Разумник сообщал, что «редактирование библиотеки «Репертуара» он взял на себя в конце ноября, и рассказывал о положении дел со сдачей в набор пьес русской и иностранной классики и их распределением по редакторам. «...» Надеюсь в ближайшее же время поставить на твердую почву сторону редакционно-литературную. Считаю совершенно необходимым привлечение и отыскание целого ряда молодых и свежих работников — о чем верно сказано в предполагаемом воззвании А. А. Блока; к основным положениям этого «воззвания» всецело присоединяюсь, — писал в заключение Иванов-Разумник. — «...» На следующей неделе, между 4—7 дек (абра) я собираюсь на неделю в Москву, где надеюсь повидать представителей Московского Отдела, «постоянный контакт» с которыми считаю и желательным, и необходимым; по возвращении подробнее сообщу намечающиеся планы и возможности».

³ Конст. Эрберг (псевдоним Константина Александровича Сюнерберга; 1871—1942) — теоретик искусства, критик, поэт, переводчик. С сентября 1918 г. — председатель педагогической секции Театрального отдела Наркомпроса. Подробнее о нем см.: «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год». Л., 1979, с. 99—115.

24. БЛОК — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

8 февраля «1919 г. Петроград»

Дорогой Разумник Васильевич.

Письмо это вместе с письмом ко мне¹ принесла сегодня женщина-эстонка и говорила что-то непонятное о тов. Фрице (?). Она передала мне 1000 рублей, а в письме я с ужасом увидел, что в Москве печатают «еще тысяч пять» «Росси и Интеллигенции». Не говоря о том, что текст не вполне исправен, боюсь подвести «Алконост»².

Ваш Ал. Блок

¹ К настоящему письму приложено письмо к Иванову-Разумнику Александра Александровича Шрейдера, сотрудника московского издательства «Революционный социализм», от 31 января 1919 г., в котором содержится предложение издать книгу Иванова-Разумника «Революция мысли и совести» («так, кажется, она называется?»). В издательстве «Революционный социализм» увидела свет только одна книга Иванова-Разумника — «Год революции. Статьи 1917 г.» (1918).

О журналисте А. А. Шрейдере см.: Е. Лундберг. Записки писателя, т. II. 1920—1924. «Издательство писателей в Ленинграде», 1930, с. 7.

² Книга Блока «Россия и интеллигенция. Семь статей» вышла в издательстве «Революционный социализм» в октябре 1918 г., но дошла до Блока только в конце декабря (ЗК, 442). «1000 рублей» — видимо, причитающийся за нее гонорар. В ноябре 1918 г. Блок сдал в издательство «Алконост» текст «России и интеллигенции» с новым предисловием (ЗК, 435). По всей вероятности, неизвестное нам письмо Блока к А. А. Шрейдеру от 11 февраля 1919 г. (ЗК, 449) заключало в себе просьбу издательству «Революционный социализм» не печатать дополнительного тиража «России и интеллигенции», поскольку в ближайшее время предполагался выход нового издания книги (Александр Б л о к. Россия и интеллигенция. (1907—1918). Пб., «Алконост», 1919): 19 февраля 1919 г. Блок держал последнюю корректуру «Алконовского» издания (ЗК, 450). Под псевдонимом «С. Разин» Шрейдер опубликовал рецензию на «Россию и интеллигенцию» («Знамя», 1919, № 2, 3 февраля, с. 21). Ему принадлежит также предисловие к зарубежному переизданию книги статей Блока (см.: Александр Б л о к. Россия и интеллигенция. Берлин, «Скифы», 1920, с. 5—7).

25. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

19 июля 1919. Царское Село. Колпинская, 20

Дорогой Александр Александрович, —

давно-давно не видалась мы — века прошли ¹. И соскучился без Вас, и надо было видеть Вас, и неудачно как-то был у Вас. Что, если бы Вы в свободный день приехали бы ко мне в Царское, в тихий, пустынный парк, с утра и до вечера, а еще лучше — с ночевкой? Черкните и уговоримся.

Вы отказались от редакторства «Репертуара» ² — и я тогда же взял из него обратно свою «Мистерию или Буфф» ³. Читаю ее во вторник 22-го (в 3 ч. дня) в бывшем «кабинете Мейерхольда», ныне пребывающего где-то на юге ⁴. Хотел бы очень видеть Вас на чтении, — если можно, приходите. Никого неприятного не увидите, народ будет разный, «вход свободный».

Много работаю, но не для ближайшего будущего. Чувствую себя бодро, хоть и голодно. Писем не пишу, кажется, уже с год — и даже с Борисом Николаевичем не в переписке, как ни хотелось бы ⁵. А повидаться — хотелось бы еще больше, с Вами, с ним. Напишите, приходите, приезжайте. Обнимаю Вас сердечно.

Александр Иванов

¹ Последнюю перед этим письмом встречу с Ивановым-Разумником Блок зафиксировал 23 апреля 1919 г.: «Р. В. Иванов ночует у меня» (ЗК, 457).

² Второй сборник «Репертуар». Первый сборник («Репертуар». Сборник материалов. Издание Театрального отдела Народного комиссариата по просвещению. Пб.—М., 1919) вышел при участии Блока и с его статьей «О репертуаре коммунальных и государственных театров» (с. 80—87) и четырьмя рецензиями на пьесы (с. 33—34, 39—40, 44—50). Блок участвовал ближайшим образом и в подготовке других материалов сборника (см.: Е. Г. М о л д о в а н о в а. Александр Блок и репертуарная секция Наркомпроса. — «Советские архивы», 1968, № 6, с. 104—105). Над вторым сборником «Репертуар» Блок работал еще в мае 1919 г.; отказ его от редакторского поста произошел, видимо, в начале июня (Ю. К. Г е р а с и м о в. Александр Блок и советский театр первых лет революции. — В кн.: «Блоковский сб.», 1, с. 340). Иванов-Разумник входил в бюро Репертуарной секции ТЕО Наркомпроса, возглавлявшейся Блоком.

³ Статья Иванова-Разумника ««Мистерия» или «буфф»? (О футуризме)» (декабрь 1918—май 1919) впервые опубликована в полном виде в кн.: «Искусство старое и новое». Сб. под ред. Конст. Эрберга. I. Пб., «Алконост», 1921, с. 34—74; отдельные части статьи (под заглавиями «Душа футуризма» и «Футуризм» и «Вещь») напечатаны до этого в журнале «Книга и революция» (1921, № 7, январь, с. 16—20; № 8—9, февраль—март, с. 22—27); вошла в кн.: И в а н о в - Р а з у м н и к. Творчество и критика. Статьи критические. 1908—1922. Пб., «Колос», 1922, с. 221—258; была напечатана также отдельным изданием: И в а н о в - Р а з у м н и к. Владимир Маяковский. («Мистерия» или «буфф?»). Берлин, «Скифы», 1922.

⁴ Летом 1919 г. В. Э. Мейерхольд (бывший заместителем заведующего ТЕО) выехал в Ялту для лечения. После захвата Ялты белой армией он переправился в Новороссийск, где попал под надзор денкивских следственных органов и затем был арестован, освобожден 7 ноября 1919 г. (см.: В. Э. М е й е р х о л ь д. Переписка. 1896—1939. М., 1976, с. 400).

⁵ Переписка Иванова-Разумника и Андрея Белого, прервавшаяся в марте 1919 г., возобновилась в августе 1919 г. В письме к Белому от 23 августа 1919 г. Иванов-Разумник, в частности, отмечал: «Блока тоже не видел века». В другом письме к Белому (от 17 сентября 1919 г.) он по-своему интерпретировал «молчание», наступившее между ним и Бло-

ком: «Все ли мы очнулись, проснулись? Не знаю. Боюсь, что Ал. Ал. еще в летаргии, — при нем мне еще надо встряхиваться, просыпаться, щипать себя за руку. За него надо теперь или бороться, или подождать, — от летаргии не будят насильственно, человек сам просыпается. Вот отчего, вероятно, так редко-редко вижу теперь я с Ал. Ал., не видал чуть ли не с полгода, живя бок о бок, чуть не рядом» (ГБЛ, ф. 25, карт. 16, ед. хр. 66).

26. БЛОК — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

21 VII 1919. «Петроград»

Да, «века прошли», дорогой Разумник Васильевич. Не раз я думал о Вас и собирался съездить к Вам, или хоть зайти в отдел ¹, когда Вы там бываете. Сделаю то или другое, когда стих найдет. Завтр «а» с утра начинается работа в театре (надо говорить «вступит кельное» слово» актерам) ², а днем, в 3 часа, — во «Всемирной» Литературе» ³, потому на Ваше чтение не придется попасть. — Я за это время и сильно падал духом, и опять укреплялся. Пока стараюсь пользоваться всем, чтобы набирать как можно больше солнца к предстоящей зиме. До свидания. Любящий Вас

Ал. Б л о к

Вероятно, Вы заходили, когда в квартире не было никого, что часто бывает. Жаль, что Вы не зашли двумя этажами ниже — в кв. 23. Имейте в виду в будущем, что там живет моя мать, которая всегда Вам будет рада.

Ответ на п. 25.

¹ Петроградское отделение ТЕО Наркомпроса.² Ср. запись Блока от 21 июля 1919 г.: «Ночью пишу обращение к актерам <...>» (ЗК, 467). «Обращение» — «К постановке пьесы «Рваный плащ»» (VI, 356—358), прочитанное актерам Большого драматического театра. Блок с 26 апреля 1919 г. был председателем режиссерского управления этого театра. См. также запись Блока от 22 июля (ЗК, 467—468).³ В издательстве «Всемирная литература» Блок состоял членом редакционной коллегии экспертов и был главным редактором отдела немецкой литературы.

27. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

5 августа 1919. «Петроград»

Дорогой Александр Александрович,

подательница этого письма, служащая в нашей Научно-Теоретической Секции ¹, просит меня, чтобы я попросил Вас — принять и выслушать ее по делу о желании ее (Ксении Генриховны Гизетти) поступить в Драматический Театр. Что и исполняю ².

Когда увидимся? Иногда чувствую очень, что надо повидаться, и все не удается. А право, очень соскучился без Вас.

Обнимаю Вас сердечно.

Ваш Раз. И в а н о в

¹ Научно-теоретическая секция ТЕО Наркомпроса.² На письме — помета Блока: «Послал ее к Гришину. 12 VIII». Александр Ильич Гришин — драматический артист, управляющий группой Большого драматического театра.

28. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

26/IX 1919. «Детское Село»

Дорогой Александр Александрович, —

получили ли мою открытку? ¹ Если нет, то в двух словах повторю, в чем дело: Николаю «Сирийскому» очень нужно получить место, и я за него очень прошу Вас о содействии. Он человек верный и деятельный, на любом месте будет полезен ².

Это — одно; Вы сговоритесь с ним сами. Второе — о Борисе Николаевиче, который в Москве находится в тисках и о котором надо бы подумать ³. Не подумаете ли до нашей встречи?

А третье — в начале октября состоится открытие «разрешенной» Вольной Философской Ассоциации⁴. Год хлопот и неудач! Посмотрим. Но во всяком случае — хорошо бы нам повидаться. Черкните мне хотя бы открыткой — когда побывать мне у Вас? Мне удобно в среду или пятницу от 10 1/2 утра до 1 ч. дня; удобно ли это Вам? Напишите. Очень хочется видеть Вас, независимо от всяких дел⁵.

Обнимаю сердечно.

Ваш Разумник И в а н о в

¹ Открытка от 24 сентября 1919 г.

² Имеется в виду Николай Алексеев, бывший служащий издательства «Сирин». В открытке от 24 сентября 1919 г. Иванов-Разумник писал Блоку: «А вот Николая Сирина я рекомендую по-настоящему. Вы его знаете: человек дельный и верный, очень нуждается в месте. Нельзя ли устроить ему таковое? — при театре, при «Всемирной литературе», где возможно». Блок и до ходатайства Иванова-Разумника принимал участие в судьбе Н. Алексеева. 8 мая 1919 г. он записал: «Николай Алексеев (сиринский) приходил просить работы» (ЗК, 459); 18 мая: «Письмо Николаю Алексееву («Сирин») и П. Крючкову о нем» (ЗК, 460; П. П. Крючков — секретарь М. Горького).

³ В письме от 26 августа 1919 г. Андрей Белый подробно рассказал Иванову-Разумнику о своих многочисленных деловых и бытовых неурядицах за последние месяцы жизни в Москве (ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 10).

⁴ Вероятно, письмо написано непосредственно после получения разрешения на учреждение Вольной философской ассоциации (предварительное название — Вольная философская академия); в открытке Блоку от 24 сентября Иванов-Разумник об этом еще не упоминает. За месяц до этого, 23 августа 1919 г., Иванов-Разумник писал Андрею Белому: ««Вольная философская академия» во всяком случае не осуществится: кому-то надо было нагромоздить много пней на дороге» (ГБЛ, ф. 25, карт. 16, ед. хр. 66). Видимо, в октябре 1919 г. Иванов-Разумник договорился с Блоком о том, что тот начнет деятельность ассоциации своим докладом. На первом заседании совета ассоциации 7 ноября 1919 г. (присутствовали Иванов-Разумник, Б. А. Кушнер, А. З. Штейнберг, К. Эрберг, секретарь В. В. Бакрылов) постановили: считать Вольную философскую ассоциацию существующей с 1 ноября 1919 г., «назначить 16 ноября открытое заседание, где А. А. Блок прочтет доклад на тему «Гибель гуманизма» (ИРЛИ, ф. 79, оп. 5, ед. хр. 13, л. 1).

⁵ Ближайшая после этого письма встреча Иванова-Разумника и Блока состоялась 13 октября: «Свидание с Р. В. Ивановым и Сюннербергом у Алянского» (ЗК, 478). 15 октября Иванов-Разумник писал Андрею Белому: «Вы и Ал. Ал. Блок — единственные друзья, с которыми хочется говорить, хочется видаться, хоть помолчать вместе. Его я не видел полгода — и повидал случайно вчера; все тот же он; зная, что я сегодня напишу Вам, просил обнять Вас заочно» (ГБЛ, ф. 25, карт. 16, ед. хр. 66).

29. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

15/III 1920. «Детское Село»

Дорогой Александр Александрович,

дела и дни так закрутили меня, что вот уже месяца два тщетно пробую побывать у Вас, — а очень хотелось. И буду — приду и засяду у Вас вплотную, часа на три-четыре. А пока — как хорошо было бы, если бы мы могли увидеться в воскресенье: с 2-х ч часов будет большое собрание нашей общей «Вольфилы» (на тему — «Беседа о пролетарской культуре»), и Вы — среди очень ожидаемых кратких докладчиков. Среди них, — о чудо! — согласился быть и М. Горький. Попробуем же не разъединяться, а соединиться. . . Приходите!¹ А после Вольфилы — я весь вечер у Бор<иса> Ник<олаевича>, в «Доме Искусств»² — и даже почую у него. Что, если бы и Вы остались на вечер!

Много хочу рассказать Вам о «Вольфиле», — она крепко живет, подлинное, жизненное дело и действие. Если бы и Вы крепче вошли в него!

Сердечно обнимаю — и до скорой встречи.

Ваш Раз. И в а н о в

¹ 7 марта 1920 г. на заседании совета Вольной философской ассоциации было принято решение посвятить 21 марта очередное, 19-е открытое заседание беседе о пролетарской культуре и привлечь к участию в беседе Андрея Белого, А. А. Блока, П. П. Гайдебурова, М. Горького, Иванова-Разумника, А. С. Лурье, А. А. Мейера, К. С. Петрова-Водкина, Н. Н. Пунина, А. З. Штейнберга, Конст. Эрберга (ИРЛИ, ф. 79, оп. 5, ед. хр. 13, л. 6 об.).

Блок и М. Горький в заседании не участвовали. В письме к Горькому от 19 марта 1920 г. Андрей Белый напоминал о его «любезном согласии принять участие в прениях и беседе на тему «О пролетарской культуре». После заседания 21 марта Белый вновь писал Горькому: «... ввиду того, что Вы обещали любезно принять участие в диспуте о пролетарск<ой> культуре, уведомляю Вас, а также передаю просьбу Совета Вольн<ой> фил<ософской> ассоциации, чтобы Вы приняли участие в продолжении беседы 4 апреля: беседа продолжена ввиду неисчерпанного списка ораторов и по просьбе ораторов и по просьбе собравшихся. Воскресенье, 4 апреля беседа будет иметь место в «Паллас—Театре» (Италианская, 13) в 3 ч. дня. Мы были бы очень рады и было бы очень важно выслушать Ваше слово. Присоединяю и свою личную просьбу к просьбе Совета» (письма цитируются по копиям, снятым Р. Я. Пивес, — ЦГАЛИ, ф. 391, оп. 1, ед. хр. 52, л. 42). Стенограмма «Беседы о пролетарской культуре» сохранилась (в неполном виде) в архиве Иванова-Разумника (ИРЛИ, ф. 79, оп. 5, ед. хр. 2, 50 л.). Выступления Иванова-Разумника и Андрея Белого легли в основу их статей (первого — «Пролетарская культура и пролетарская цивилизация», второго — «Прыжок в царство свободы»), напечатанных в журнале «Знамя» (1920, № 5 (7), стлб. 37—48). Подробнее см. в нашем обзоре «Рукописный архив Андрея Белого в Пушкинском Доме» («Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год». Л., 1980, с. 41—43).

² Во время своего пребывания в Петрограде в феврале—августе 1920 г. Белый жил в Доме искусств (бывший дом Чичерина на углах набережной Мойки, Невского проспекта и Большой Морской улицы) — пристанище писателей и деятелей искусства первых революционных лет.

30. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

6/V 1920. «Петроград»

Дорогой Александр Александрович, —

Вы завтра едете в Москву¹; большая просьба — передать по адресу содержимое прилагаемого конверта. В нем — статьи для журнала «Знамя», только что вышедший № которого посылаю Вам (найдите его в том же конверте). Не откажите москвичам в сотрудничестве и дайте им что-нибудь, — хотя бы из старого; быть может — маленький отрывок из «Крушения гуманизма»?²

Как только вернетесь — буду у Вас; так давно мы «вилотную» не видались, что хочется повидаться не мимолетно. Теперь — до скорого свидания; сердечно обнимаю Вас.

Ваш Разумник И в а н о в

¹ Блок выехал в Москву 7 мая 1920 г., где выступал с чтением стихов в Политехническом музее и во Дворце искусств; возвратился в Петроград 19 мая.

² Блок предоставил журналу «Знамя» (орган левых социалистов-революционеров (интернационалистов), издававшийся под редакцией Иванова-Разумника, В. Е. Трутовского, О. Л. Чижикова, И. З. Штейнберга) полный текст статьи «Крушение гуманизма» (см.: «Знамя», 1921, № 7 (9), январь; № 8 (10), март).

31. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

5—VIII—1921. Царское Село. Колпинская, 20

Дорогой и милый Александр Александрович

на днях только получил я Вашу посылку с греками и римлянами — сердечное спасибо за память и за несколько строк письма (Аристофана возвращаю сегодня Вам обратно с благодарностью)¹. За все время Вашей болезни я почти никогда не звонил к Вам по телефону, чтобы справиться о Вашем здоровье, — думаю, что и без того много беспокоят Вас телефонными звонками. — но все время справляюсь об этом у «Алконоста»² и от него знаю о Вас. Думаю о Вас постоянно, жду Вашего выздоровления, люблю Вас сердечно — и знаю, что Вы это знаете. Если бы случилось, что Вы захотели меня повидать — соберусь к Вам тотчас же, сообщите лишь через тот же «Алконост».

Андрей Белый живет у меня в Царском Селе и ждет вестей об улучшении Вашего здоровья, чтобы написать Вам и побывать у Вас, когда будет можно. — Не хочу писать больше, чтобы не утомлять Вас — и кончаю еще раз благодарностью за милую память обо мне. Не забывайте искренне Вас любящего

Разумника И в а н о в а

¹ Упомянутое письмо Блока к Иванову-Разумнику (одно из последних писем поэта, если не самое последнее) не сохранилось. В записной книжке Блока за 1921 г. под рубрикой «Книги» (видимо, перечень книг, отданных и взятых на прочтение) имеется запись: «Ив(анов)-Раз(умник). — [Герценовский сборник]. Французский Аристофан. [Знамя (с № 3)]» (ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 366, л. 62 об.; первое и третье названия зачеркнуты Блоком, вероятно, по возвращении книг). «Французский Аристофан» сохранился в библиотеке Блока (ИРЛИ): *Aristophanes. Traduction nouvelle avec une introduction et des notes par C. Royard. 9-me éd. Paris, Nachette et c-ie, 1892* (шифр: 94 1/95). Это издание было нужно Иванову-Разумнику, по-видимому, для работы над переводом комедии Аристофана «Плутос», изданным под псевдонимом «Вл. Холмский» (Аристофан. Богатство (Плутос). Комедия. Перевел размером подлинника Вл. Холмский. Л., «Колос», 1924). Упомянутая Ивановым-Разумником «посылка с греками и римлянами» — книги из библиотеки Блока, подаренные ему владельцем. В архиве Иванова-Разумника сохранились 4 таких книги: 1) *C. Sallustii Crispi. Orega. Halis Saxonum, 1824* (автограф на форзаце: «A. Block. Reval. 19 31/XII 09»; «Подарено в июле 1921 г. Р. Иванов»); 2) *Dr. Eduard Munk. Die Metrik der Griechen und Römer. Ein Handbuch für Schulen und zum Selbststudium. Glogau — Leipzig, 1834* (автограф на форзаце: «Al. Block. 31 XII 19 09. Reval»); 3) «Ausgewählte Komödien des P. Terentius Afer. Zur Einführung in die Lektüre der altlateinischen Lustspiele, erklärt von Karl Dziatzko. Zweites Bändchen: Adelphoe. Bearbeitet von Dr. Robert Kauer». Leipzig, 1903 (автограф на форзаце: «Книга Ал. Блока. Подарена в июле 1921 г. Р. Иванов»); 4) «Les auteurs latins expliqués d'après une méthode nouvelle par deux traductions françaises. <...> Phèdre». Paris, 1862 (автографы на форзаце: «Александр Блок. 1904»; «Подарено в июле 1921 г. Р. Ив(анов)»).

² Т. е. у основателя и руководителя издательства «Алконост» Самуила Мироновича Алянского (1891—1974), постоянно навещавшего Блока в последние недели его жизни (см.: С. Алянский. Встречи с Александром Блоком. М., 1969, с. 146—155).